

A black and white photograph of a building's entrance. The entrance features a simple, dark door with a small poster or notice on it. Above the door is a concrete overhang. To the left and right of the door are windows with metal grilles. A large, light-colored downspout pipe runs vertically down the right side of the building, curving at the bottom. In the foreground, on the right, is a white, rectangular planter box filled with soil. The ground in front of the door is paved or concrete.

25-ый подъезд

Харьков
2011

*25-ый
подъезд*

Харьков

2011

В 25-м подъезде дома № 7 по проспекту Правды, который называли «Дом специалистов», в послевоенные десятилетия жили три замечательных человека: Маргарита Орестовна Габель, Исаак Яковлевич Каганов и Александр Моисеевич Финкель. Они были не только крупными учеными и педагогами, их личности, их человеческий облик запечатлены в памяти всех, кому судьба подарила возможность общения с ними. В этой книге собраны мемуарные очерки их учеников и младших друзей, которые стремились в меру возможного этот облик воскресить.

Составители

**М.И. Каганов, В.М. Конторович,
Л.Г. Фризман**

СЧАСТЛИВОЕ СОВПАДЕНИЕ

Совпадения бывают разные...

Бывают приятные - к ним можно отнести и тот факт, что в достаточно большом городе в одном доме (!) и даже в одном подъезде (!!) жили люди, которые были интересны друг другу на протяжении многих десятилетий - практически всю жизнь, начиная с юности (!!!). Счастливым совпадением можно считать и то обстоятельство, что были эти люди неординарными, яркими, талантливыми и очень интересными не только друг для друга, но и для окружающих. Счастливым совпадением можно считать и тот факт, что я знал этих замечательных людей - и Исаака Яковлевича Каганова, и Александра Моисеевича Финкеля, и Маргариту Орестовну Габель. А еще я хорошо знал их друзей, которые не жили в этом подъезде, но жили в нашем городе, а я был вхож в их дома - это Вера Григорьевна Трамбицкая и Генрих Венецианович Фризман, друзья вышеупомянутой троицы. И это совпадение я тоже считаю счастливым.

Что же касается жителей 25-го подъезда, то я больше общался с Исааком Яковлевичем и Александром Моисеевичем. С первым я дружил, часто бывал в его доме, постоянно перезванивался и, хотя я никогда формально не учился у него, не был его студентом, но на протяжении всех лет знакомства и общения учился у него постоянно. Ну, а у второго я действительно учился на филфаке университета... С Маргаритой Орестовной был хорошо знаком, со всем возможным уважением раскланивался издали. И раз или два, уже и не припомню по какому поводу, был у нее в гостях.

С Исааком Яковлевичем нас свела любовь к книгам... Когда в Центральном лектории на площади Тевелева начались заседания созданного Исааком Яковлевичем "Клуба книголюбов", я, в те далекие 60-70-е, стал активным участником заседаний этого клуба харьковской интеллигенции. В те годы я работал научным сотрудником Харьковского художественного музея, и Исаак Яковлевич решил, что моя "ниша" - это художники книги. И я делал разные сообщения о творчестве мастеров книжной графики. Исаак Яковлевич с интересом

относился к моему увлечению литературной пародией и очень живо реагировал на мои публикации в этом жанре. В то время я часто печатался в «Клубе «ДС» «Литературной газеты», и первым человеком, который поздравлял меня с очередной публикацией, был всегда Исаак Яковлевич. Правда, если что-либо в публикации его не устраивало, он мне честно об этом говорил, а я с почтением выслушивал.

Но больше всего мне нравилось бывать у него в гостях, в небольшом кабинете, заставленном книжными шкафами и заваленном книгами. Сидя в кресле напротив хозяина, я получал большое удовольствие от беседы с ним. О чем мы говорили? Да обо всем, но чаще всего - о книгах. И хотя с тех пор прошло уже очень много лет, до сих пор у меня перед глазами доброе лицо моего прекрасного учителя и друга с огромным лбом и большими "мешками" под глазами.

Я любил приходить в этот дом потому, что меня всегда гостеприимно и радостно встречал и сам Исаак Яковлевич, и милая его супруга Дина Давидовна. Ну, а если случалось, что я заставал и их сына, молодого тогда ученого Моисея Исааковича, Мусика, то это уже был настоящий праздник, ведь у нас было множество и общих знакомых, и общих тем для беседы. Не мешало даже то, что я был типичным гуманитарием, а Мусик - ученым-физиком. Так что очень модную в то время дискуссию о том, кто важнее в современной жизни - физики или лирики, мы просто сводили на нет...

Как-то под настроение Исаак Яковлевич, узнав, что я очень интересуюсь цирком и в цирке работает режиссером мой сын, подарил мне от душевных щедрот книгу Е.М. Кузнецова "Цирк". Этот труд, заложивший основы отечественного цирковедения, очень помог мне впоследствии в работе над диссертацией, а теперь помогает и сыну, который за эти годы стал директором и художественным руководителем Харьковского государственного цирка, заслуженным деятелем искусств Украины... А подаренная когда-то мне книга сохраняет для меня теплоту рук моего учителя.

Помню, как он смеялся, получив за подписью моей и моего друга и соавтора Вадима Левина телеграмму по поводу его юбилея:

Моложе Вас на белом свете нет -
И мы тому свидетели живые...
Библиофилу восемьдесят лет
Сегодня исполняется впервые.

Помню его улыбку, когда на одном из заседаний "Клуба книголюбов" я прочитал пародию на стихи поэта Виктора Басова:

Коля, Коля, Николаша,
Колокольчик голубой!
Ты большая гордость наша,
Инкунабула с тобой...

Конечно, библиофилу слово «инкунабула» сказало многое.

И лишь один раз за все годы нашего знакомства милый мой Исаак Яковлевич посмотрел на меня строго - я до сих пор помню этот осуждающий взгляд. Дело в том, что он попросил меня достать билеты на спектакль Харьковского государственного театра кукол. Наша с Вадимом Левиным пьеса "Шерлок Холмс против агента 007, или Где собака зарыта?" была пародией на детектив, в котором Холмс и известный агент Джеймс Бонд расследовали убийство некоего пса, который съел кусок мяса некоего пастора... И пастор его убил, убил и закопал, и надпись написал. Одним словом, жуткая история, к тому же весьма узнаваемая. Спектакль был очень популярен, билетов в кассе не было. Я достал контрамарки, и Исаак Яковлевич с какой-то пожилой дамой сели в первый ряд. Но когда по ходу детектива началась пальба и порохом запахло в прямом смысле слова, Исаак Яковлевич очень укоризненно посмотрел на меня - куда, мол, ты нас пригласил? Посмотрел и покачал укоризненно головой. Мне до сих пор неловко, хотя, собственно, я ни в чем не был виноват - театральные пистолеты палят очень громко, очень...

Видимо, тут совпадение не состоялось - не совпало представление Исаака Яковлевича о спектакле кукольного театра с авангардным видением режиссера. Увы!

Но для меня важно другое, важно то, что во всех остальных случаях наше с ним видение совпадало. Я очень много вынес из общения с этим человеком, я многому научился, и многое из его уроков помню до сих пор.

И еще об одном удивительном и печальном, к сожалению, совпадении: я не знал ничего о кончине Исаака Яковлевича. Как-

то обошла меня эта горестная весть. И в день похорон я был в том же доме, где он жил, но в другом, соседнем подъезде, где я со своими бывшими однокурсниками провожал в последний путь нашего умершего товарища. И, стоя у окна, видел, как у подъезда Исаака Яковлевича снимали с машины гроб. Но мне тогда в голову не пришло, для кого он... Я узнал обо всем на следующий день. Узнал и пришел в ужас - я его не проводил! Вот такое совпадение! Назавтра я пришел в этот дом и попросил прощения у Дины Давидовны и Моисея Исааковича. Мне было очень горько!

Но в памяти моей он навсегда остался живым, мудрым и интеллигентным человеком.

Александра Моисеевича Финкеля я знал, как говорится, с другой стороны: он был моим педагогом, читал у нас курсы "Введение в языкознание" и, кажется, "Историческую грамматику русского языка". Кажется потому, что с тех пор прошло более полувека и какие-то факты исказились в кривом зеркале времени. Кое-чего я уже не помню или помню плохо. Но абсолютно уверен в том, что в те годы общения с Александром Моисеевичем мы его очень уважали и очень боялись. Он казался нам таким серьезным и таким значительным человеком, он так блестяще читал свои лекции, что весь курс почитал за честь сдать ему экзамен как можно лучше. Нам даже в голову не приходило, что этот суровый, чуть-чуть грассирующий человек обладает таким потрясающим чувством юмора.

Хотя, как я выяснил довольно быстро, чувство юмора у него было отменное. Дело в том, что Александр Моисеевич еще с довоенного времени знал моих родителей, потом мой отец работал в университете, они виделись и общались. На этом основании я время от времени на глазах всего завидующего курса подходил к строгому педагогу, протягивал ему ладошку (!?) и вел "великосветскую" беседу. Мне льстило, что я говорю с самим Финкелем, ведь по учебнику Финкеля и Баженова мы учились, с юношеским легкомыслием называли книгу "Финкеля грамота". Но возвратимся к разговору... Говорить мне с ним было абсолютно не о чем, мы были в разных "весовых категориях". И я придумывал темы разговоров.

- Александр Моисеевич, - сказал я как-то после очередного рукопожатия, - я вот вчера читал Ахматову, ее "Анно **Domini**"...

И тут я осекся, поняв по его взгляду, что я что-то сморозил. А он как-то очень укоризненно сказал мне:

- Толя, фи - **DOmini**!

Я тихо отошел в сторону на негнувшихся ногах. Мои сокурсники тихо умирали от смеха. И моя жена, учившаяся со мною на одном курсе, вот уже полвека говорит мне в соответствующей ситуации с подобающей улыбкой:

- Толя, фи - **DOmini**!

Так что, не совпали мы тут с Александром Моисеевичем, ведь я по моему тогдашнему невежеству считал, что **Domini** - это итальянская фамилия.

Ну откуда мне тогда, в середине 50-х годов, знать, что суровый Финкель - один из авторов любимой моей книжки - "Парнаса дыбом"? Я тогда и предположить не мог, что когда-то я буду счастливым обладателем этой книги, поэтому мы с моей будущей женой старательно переписали "Парнас" - и наслаждались. Это потом, когда тайна открылась, я уже не был студентом, мне удалось уговорить застенчивого профессора выступить с рассказом о "Парнасе" по харьковскому телевидению в литературной передаче, которую вел литературовед Р.В. Банчуков. Как жаль, что тогда я не записал его рассказа! Сегодня я уже его не помню.

Откровением для меня были и финкелевские переводы из Шекспира - маршаковские я знал, знал и некоторые другие... Но Александр Моисеевич Финкель, погруженный в любимое свое языкознание суровый ученый - и вдруг тончайшая лирическая материя сонетов Шекспира? Это было открытие, это был подарок, это было прекрасное совпадение...

И еще: в том же доме и в том же подъезде жила семья Парицких. Тогда эту семью я не знал, но знал достаточно хорошо мужа Люси Парицкой - Володю Гольдштейна. Я знал его как премьера знаменитого студенческого театра ХПИ - помню его в ролях Эзопа и Ленина. Понять не могу, как человеку по фамилии Гольдштейн разрешили тогда сыграть вождя пролетариата? Но сыграл он отлично.

И следующее совпадение - через полтора десятка лет мы с Володей коллеги - преподаватели кафедры режиссуры Харьковского государственного института культуры. Вот это я уже помню хорошо. Помню как влюблены были во Владимира Борисовича студенты, как учились у него педагоги, какие прекрасные спектакли в студенческом театре играли его студенты... Жаль, что все это длилось недолго - года три-четыре, точно уже и не скажу. Но умер он скоропостижно, через пару дней после смерти моего отца - я хорошо запомнил двое этих похорон. Такое вот совпадение!

И, насколько мне известно, в том же 25-м подъезде жил и легендарный харьковский архитектор, историк архитектуры нашего города Александр Юрьевич Лейбфрейд. Только вот не знаю, общался ли он со своими соседями? Думаю, что общался. Такой вот подъезд!

...Недавно я был возле этого большого серого дома, возле этого подъезда. Стоял и думал: а зайти-то не к кому! "Одних уж нет, а те далече..." Постоял, погрустил и пошел прочь. Но легендарный 25-й подъезд навсегда остался в моей памяти, подъезд, населенный изумительными людьми. Спасибо тебе, 25-й подъезд, за прошлое, за чудесные совпадения, которые ты дарил. И пусть люди, живущие там сегодня, будут достойны памяти прежних жильцов.

Уходя, я приоткрыл дверь подъезда, она скрипнула, приглашая зайти. Но я не зашел. Не смог зайти. В горле стоял ком. И я решил, что напишу хоть пару страниц об этом подъезде и об этих людях. Вот этих страниц.

Г. А. Васильева

О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

Учитель! Перед именем твоим

Позволь смиренно преклонить колени!

(Н.А. Некрасов)

25-ый подъезд в доме № 7 по проспекту Правды (в быту харьковчане называли его "Дом специалистов") на первом этаже открывался квартирой номер 265. В ней в послевоенные годы

жила семья Габель, к которой принадлежала Маргарита Орестовна - выдающийся литературовед, возглавляющая в Харькове научную школу академика Александра Ивановича Белецкого. Верной и преданной ученицей А.И. Белецкого Маргарита Орестовна оставалась до конца своей жизни, уже тогда, когда сама была наставником и учителем многих и многих, выросших под её добрым и мудрым покровительством за долгие годы работы в высших учебных заведениях.

Здесь, в 265-ой квартире, в небольшой, но удивительно вместительной комнате, выполнявшей роль столовой, всегда находилось место всем: в трудные годы в ней подкармливали обедами аспирантов Маргариты Орестовны, а по вечерам за чаепитием собирались друзья и коллеги, те, кому было интересно поговорить о только что прочитанном; часто сходили со своих верхних этажей обитатели 25-го подъезда Кагановы и Финкели. А в самой большой комнате, служившей кабинетом Маргариты Орестовны, постоянно шла серьёзная научная работа, составлявшая главный интерес и смысл жизни её хозяйки. Вдоль стен - книжные полки, которые постоянно пополнялись. Самой большой потерей среди того, что было ею оставлено во время Отечественной войны при эвакуации из Харькова, Маргарита Орестовна всегда считала свою личную библиотеку, которую с первых дней возвращения стремилась восстановить и пополнить. В результате ей это в основном удалось. Без книг она не мыслила ни своей жизни, ни жизни своих учеников. На её книгах выросло не одно поколение аспирантов и студентов.

В 25-ом подъезде Маргарита Орестовна поселилась осенью 1944 года, возвратившись из эвакуации, время которой прожила в Оренбурге, тогда называвшемся - город Чкалов. Там она работала на кафедре литературы педагогического института. Читала курс истории русской литературы XIX века и вела занятия в специальных семинариях по творчеству И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого.

В годы войны Оренбургский пединститут приютил многих известных специалистов-литературоведов, эвакуированных из разных городов. Среди них были профессор, историк театра Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс, блестящий лектор, пользовавшийся большой популярностью у студентов, фольклорист Анна Михайловна Новикова. В этой среде У

Маргариты Орестовны было особое место и только ей присущая репутация, сложившаяся в результате общения с оренбургскими студентами, к которым принадлежала в те времена и пишущая эти строки.

Внимание студентов прежде всего обратила на себя структура курса истории русской литературы XIX века, который читала Маргарита Орестовна. Это был самостоятельный курс, мало похожий на тот, который предлагал учебник А.Г. Цейтлина, основное и главное учебное пособие той поры. Центр внимания в своих лекциях Маргарита Орестовна переносила с портретов писателей на рассмотрение историко-литературного процесса, закономерностей развития литературы, определённого движением жизни, предупреждая об опасности социологизации. Неуклонное соблюдение принципа историзма позволяло лектору установить логику в эволюции литературных жанров.

Значительное место в курсе отводилось сведениям по литературоведческой историографии. Маргарита Орестовна на своём примере демонстрировала важность внимательного и уважительного отношения к исследовательской работе, проделанной предшественниками, постоянно ссылаясь не только на опубликованные литературоведческие труды, но и на отдельные частные наблюдения своих коллег. Так, например, во времена, когда о Достоевском писали мало и превратно, она рассказала студентам об интересных, но ещё не опубликованных находках харьковского доцента Михаила Павловича Самарина, его прочтении романа "Преступление и наказание". Курс Маргариты Орестовны закладывал в сознании студентов основы научного подхода к изучению литературы XIX века, что очень важно для подготовки будущих филологов.

Возвратившись после освобождения Харькова от гитлеровцев в родной город, Маргарита Орестовна оказалась без жилья и без своих книг. Квартира была занята, библиотека разграблена. Временно (до получения квартиры в Доме специалистов) приютилась у друзей. И сразу активно включилась в работу по восстановлению разрушенной войной научной библиотеки имени

В.Г.Короленко, с которой была тесно связана в течение всей своей жизни. Примечательно, что одним из организаторов этой библиотеки и членом её правления в своё время был отец Маргариты Орестовны - Орест Мартынович Габель. В

послевоенные годы Маргарита Орестовна стала создателем отдела рукописей, старопечатных и редких книг и возглавляла его, совмещая работу здесь с педагогической деятельностью. Вместе с самоотверженной сотрудницей отдела выпускницей филфака Харьковского университета молодым поэтом Ириной Васильевной Знаменской (поэтическая фамилия - Шашкова) она взялась за формирование фонда отдела.

Основным местом работы, однако, для Маргариты Орестовны был педагогический институт. Он тоже возродился. Прежнее здание института на Сумской улице было разрушено. Институту передали помещение по улице Артёма, дом 29. Здесь было сосредоточено всё: и администрация, и аудитории для учебных занятий. Кафедрой литературы заведовал доцент Михаил Петрович Гушин. За Маргаритой Орестовной оставался курс истории русской литературы XIX века.

Война шла к победному завершению. Постепенно в Харьков стали возвращаться прошедшие войну литературоведы: доценты Семён Михайлович Утевский, Борис Михайлович Сиволов и другие. Важной задачей стало восстановление научного потенциала кафедры, и Маргарита Орестовна взялась за подготовку молодых кадров. Её внимание еще прежде обратилось на автора этих строк. В оренбургском пединституте студенткой я участвовала в семинаре по роману Л. Толстого "Война и мир", который вела Маргарита Орестовна. Ей понравились мои работы и выступления, и она стала помогать мне овладеть азами методики научной работы. Завершать педагогическое образование мне довелось в 1945 году уже в Харьковском пединституте. Маргарита Орестовна порекомендовала меня для работы ассистентом кафедры. Под её руководством готовила я свои первые самостоятельные лекции.

Маргарита Орестовна была инициатором восстановления аспирантуры. Из эвакуации вернулся академик Александр Иванович Белецкий. Маргарита Орестовна представила ему меня, и он согласился быть моим руководителем, хотя работал уже не в Харькове, а в Киеве. Практически аспирантской моей подготовкой ведала Маргарита Орестовна. Вскоре и официально я стала аспиранткой Маргариты Орестовны Габель. Ей я обязана не только успешными первыми шагами, но и всеми

последующими скромными достижениями на ниве научной работы.

Маргарита Орестовна приобщила меня к изучению творчества В.Г. Короленко. Чуткий и внимательный человек, она, зная о моём трудном материальном положении, приняла меня на работу в свой отдел в библиотеке имени В.Г. Короленко. Там я написала свой первый большой самостоятельный труд "Критико-биографический очерк литературы о Короленко". Там вместе с И.В. Знаменской мы составили аннотированные каталоги научной, мемуарной и художественной литературы о Короленко.

Научные труды Маргариты Орестовны были для меня всегда примером, на котором следовало учиться. Высокая требовательность к себе, тщательное изучение источников, полная осведомлённость в литературе вопроса - без этого Маргарита Орестовна не позволяла никому из молодых братья за самостоятельную работу. В 1959 году в издательстве Харьковского университета вышла книга Маргариты Орестовны Габель "Вопросы изучения творчества И.С. Тургенева". Это был своеобразный итог долгого труда послевоенных лет. Здесь сформулированы основные проблемы изучения творчества писателя и намечены пути их дальнейшего решения. Прежде всего обращает на себя внимание тщательный анализ всего, что написано о Тургеневе не только в России, но и за её пределами. В частности, глубоко и всесторонне рассматривается изданная в 1954 году в Париже книга французского учёного Анри Гранжара.

Через всю работу проведена мысль о недопустимости и научной несостоятельности изучения творчества писателя в отрыве от литературного процесса его времени. Автор вскрывает недостатки "имманентного" анализа творчества Тургенева и убедительно критикует VII том академической "Истории русской литературы" (М.-Л., АН СССР, 1955) за то, что освещение вопроса о связях Тургенева с литературным движением того времени лишено конкретности.

В связи с рассмотрением творчества Тургенева Маргарита Орестовна выходит за рамки изучения одного писателя и поднимает вопросы, решение которых важно для периодизации русской литературы XIX века в целом. Так, автор исследования обращает внимание историков литературы на необходимость специально выделить раздел, в котором рассматривался бы

литературный процесс конца 40-х - первой половины 50-х годов. Следует учитывать, что период после революции 1848 года для русской литературы характеризовался заострением борьбы с цензурным террором и объединением прогрессивных сил, что ознаменовалось новыми поисками и находками ряда новых художественных решений.

Молодые сотрудники кафедры литературы, которых с окончанием войны становилось всё больше, проходили под воздействием Маргариты Орестовны не только неоценимую научную литературоведческую школу. На суд Маргариты Орестовны приносил свои стихи известный харьковский поэт, вернувшийся с войны тяжело раненым, доцент Марк Владимирович Черняков. Он очень дорожил дружбой с Маргаритой Орестовной, постоянно встречая с её стороны доброжелательное отношение и получая полезные советы. Аспирантом Маргариты Орестовны стал лауреат Государственной премии за повесть "Трое в серых шинелях" фронтовик Владимир Анатольевич Добровольский. И не только молодые постоянно советовались с Маргаритой Орестовной о том, в какой форме лучше принять участие в научных дискуссиях, как использовать свои наблюдения и заметки. Впрочем, не только об этом. Мнения её спрашивали и о том, что уместнее надеть, идя на научное заседание или доклад.

В начале 1949 года я получила назначение Министерства просвещения на работу на кафедре литературы в Сумской педагогический институт. В то время в связи с откомандированием в докторантуру руководителя кафедры Дмитрия Фёдоровича Маркова там ощущался недостаток в прошедших аспирантскую подготовку педагогических кадрах. Я уехала работать в Сумы, но моя связь с Маргаритой Орестовной не прервалась. Мы переписывались. Я постоянно приезжала в Харьков, а Маргарита Орестовна бывала в Сумах, однажды в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии в Сумском пединституте.

Порой, когда в Харьков приезжал из Киева Александр Иванович Белецкий, Маргарита Орестовна специально приглашала меня в Харьков для встречи с ним. Благодаря Маргарите Орестовне я ближе узнала этого блестящего ученого и необыкновенно интересного собеседника, иногда даже читавшего

нам свои стихи. Особенно запомнились мне его строчки - отклик на первые послесталинские годы:

Последнего мы сокрушили бога,
И новых мы не создали богов.
Идет богостроительство убого,
и нет к нему ни образов, ни слов.

А.И.Белецкий был моим оппонентом, когда в 1954 году я защищала кандидатскую диссертацию.

В 1967 году после восемнадцати лет работы в Сумском пединституте я возвратилась в Харьков. Маргарите Орестовне было более семидесяти лет (74), и педагогической работы она уже не вела. Однако дом ее оставался постоянным местом встречи друзей, литературоведов и книгovedов. Здесь по-прежнему обсуждали научные и художественные новинки, звучали стихи, любили шутки, было интересно и весело. Здесь всегда можно было встретить готовность помочь советом, поддержать. По-прежнему Маргариту Орестовну окружала молодежь, те, кто входил в науку о литературе.

Первые шаги в филологической науке под руководством Маргариты Орестовны сделал ставший большим ученым тогда молодой Леонид Генрихович Фризман, сын друга Маргариты Орестовны историка-медиевиста Г.В. Фризмана. Это Маргарита Орестовна обратила внимание юноши на поэтов начала XIX века, особенно на Е.А. Баратынского. Маргарита Орестовна помогла найти свой путь в изучении А.П. Чехова Нине Александровне Никипеловой. Добрым наставником в научно-библиографической работе была она для Тамары Семеновны Раскиной, платившей своему другу и учителю нежной любовью и заботой. Из Сум приезжала на консультации к Маргарите Орестовне Евгения Владимировна Бояровская, которая познакомилась с ней на Тургеневской конференции в Орле.

Как и прежде, регулярно приходили старые друзья. Читал свои стихи Марк Владимирович Черняков. Постоянно знакомил присутствующих со своими новыми переводами сонетов В. Шекспира успешно состязавшийся с С. Маршаком доктор филологических наук профессор Александр Моисеевич Финкель. Переводы свои он трогательно посвящал Маргарите Орестовне. С особым интересом встречали здесь Исаака Яковлевича

Каганова, энциклопедиста, знатока всемирной литературы, возглавлявшего клуб харьковских книголюбов.

Сама Маргарита Орестовна продолжала активную творческую научную работу. "Литературное наследие" печатает в 1967 году (Том 76, с. 9-70) её исследование «Творческая история романа "Рудин"». Труды её публикуются в сборниках "Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева" (Л: Наука, 1968. - Т. 3, с. 77-83). Преодолевая нездоровье и возраст, она участвует в тургеневских чтениях в Орле, посещает Ясную Поляну. Мне доводилось сопровождать Маргариту Орестовну в Орёл и видеть, с каким интересом и вниманием воспринимают её выступления, как ценят и уважают её специалисты-тургенеvedы. Материалы доклада Маргариты Орестовны в Орле «Роман И.С. Тургенева "Два поколения"» опубликован в "Учёных записках Курского государственного педагогического института" (Орёл, 1968. - с. 87-101). Содержащиеся в докладе наблюдения над эволюцией жанра романа имеют принципиальное значение для изучения художественного мастерства писателя.

Никогда не забывала Маргарита Орестовна своего друга и наставника, и в 70-е годы продолжают появляться её публикации о нем: "А.И. Белецкий - исследователь русской литературы XIX века" (Славянское литературоведение и фольклористика. - Киев, 1970. - Вып. 5, с. 32-44). И последнее её выступление в печати "Академик А.И. Белецкий - исследователь Н.С. Лескова" в "Литературном наследии" (М., 1977. - Т. 87 - с. 631-655).

Так было до конца дней этого удивительного, ни с кем не сравнимого человека, с уходом которого так много потеряли люди разного возраста и разных характеров.

Для тех, кто был младше, она была не только учителем, но и старшим другом, примером во всём. У неё мы учились занимать активную жизненную позицию. Маргарита Орестовна не просто понимала наши трудности, но всегда была готова помочь и помогала во всём, порой практически и материально.

И осталась она в моей памяти человеком, обладавшим неповторимой внешней привлекательностью: всегда подтянутая, хорошо одетая, она никогда не появлялась непричесанной или в халате. Такой вижу я её на фотографии, стоящей на моём письменном столе, - незабываемого, дорогого моего Учителя.

Н.А. Никипелова

«...У ПАМЯТИ В ГОСТЯХ...», или Уроки Маргариты Орестовны

«Мама, я учёный?» - спрашивает сын Миша, сидя за просторным столом Маргариты Орестовны со старинным письменным прибором, ножом для разрезания бумаг и мягкой скамеечкой под ногами. А ещё на столе книги, журналы, нарциссы в вазочке из венецианского стекла - прямо из Венеции. «Конечно, - говорю, - учёный. Когда сидишь за этим столом, вокруг тебя полки с книгами от пола до потолка на трёх стенах». Он вертит головой, глаза раскрываются шире.

Маленькой Маше разрешили рассмотреть трёх нефритовых обезьянок. Она расставила их на круглом столике и повторяет за ними: то ладошки к глазам прижмёт, то руками уши закроет, то пальчик к губам приставит. Получается очень похоже - ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

А Маргарита Орестовна уже надела на руку медвежонка-рукавичку, и сейчас они будут разговаривать разными голосами и смеяться вместе. Позже я найду записку, написанную Машей-первоклассницей: «Мама, тебе звонила Маргаритаоресовна» - вот так в одно слово и без «т» в отчестве. Это необычное имя принадлежит необыкновенному человеку - Маргарите Орестовне Габель, прожившей свою долгую нелёгкую жизнь творчески, талантливо, светло, с неутолимимым интересом к людям, векам и странам. Фамилия Габель от польского варианта Габля, себя Маргарита Орестовна помнит танцующей при свечах в средневековом замке, а ещё видит себя на русском равнинном поле, среди сражающихся не на жизнь, а на смерть богатырей. Работая с былинными текстами, она обнаружит и женщин-богатырей. Исследуя происхождение того пласта языка, который теперь называется неформальной лексикой, будучи глубоко интеллигентным человеком, никогда не озвучивала добытые знания.

Но самой большой любовью был Иван Сергеевич Тургенев. К моменту нашего знакомства я услышу от неё: «Мой роман с Тургеневым окончен...» Это будет означать, что написанную

докторскую диссертацию решено не защищать. Времени на неё ушло много, сил осталось мало. Основные материалы диссертации были включены в комментарий академического издания произведений и писем Тургенева и принесли их автору прочный научный авторитет. С приветом от Маргариты Орестовны можно было приехать в Пушкинский Дом и Публичную библиотеку в Ленинград, в редакцию Литературного наследства в Москву, в музей-усадьбу Спасское-Лутовиново - и всюду будешь уважен и привлечен.

Замысел знакомства с Маргаритой Орестовной состоял в надежде, что она согласится поделиться секретами литературоведческого труда с поселковой учительницей. Большим счастьем моей жизни была эта встреча и это согласие. Говорят, что человека, собственно, описать нельзя, но можно написать, как он на тебя подействовал. Действие Маргариты Орестовны на меня было благотворным, благодатным, благодетельным и на всю жизнь оставило в душе чувство глубокой благодарности.

Первые беседы были напряжёнными: Маргарита Орестовна смотрела на меня изучающе и иронично, я обмирала, как первокурсница на экзамене. Первые выполненные мною задания разочаровали её. «Когда я из Вас выбью учительский дух?» - спрашивала меня моя строгая наставница, и я терялась в догадках: что из меня надо выбить? Потом прояснилось, что это моё репродуктивное мышление, что я в состоянии заучить, затвердить, запомнить готовое и не в состоянии анализировать, оценивать, делать выводы. Да и откуда такой смелости взяться? Становилось ясно, какой огромный объём прочитанных - художественных и научных текстов необходим, как надо уметь пользоваться справочной литературой, словарями, указателями, энциклопедиями. Эрудиция Маргариты Орестовны была огромной, библиотека по тем временам прекрасной, и мне позволялось ею пользоваться. «Мама, ты, когда перепишешь свою книгу, считаешь мне мою?» - спрашивает дочь Маша. «Да-да, конечно», - соглашаюсь я. И читала. Слава богу, книги были маленькие.

Маргарита Орестовна учила искать смысловую ценность прочитанного, радоваться библиографической находке, и всё-таки что-то оставалось непреодолимое, трудное в общении с

объектами моих будущих исследований. Этими объектами были Чехов и Тургенев, далёкие, непроницаемые, как на школьных портретах.

Однажды я получила задание изучить указатель писем корреспондентов Чехова Е. Лейтнеккера и радостно докладывала, что встретила однофамилицу Маргариты Орестовны - А. Габель. «Это моя мама, Августа Габель. Она писала Толстому, Чехову с просьбой прислать книги в библиотеку, которую построил папа. Теперь это библиотека Короленко». Оказалось, чтобы книги, личности и судьбы писателей соединить, изучить, понять, их надо поселить в своём доме, в своём сердце, наделять чувством собственного существования. У Маргариты Орестовны это просто, по-домашнему - «мама писала». Но при этом знания должны стать твоей собственной добычей, их нельзя взять с книжной полки, они должны быть индивидуальными, тебе принадлежащими, они должны рождать собственные мысли.

«Ниночка, с кем из писателей Вы хотели бы дружить?» - неожиданно спрашивала Маргарита Орестовна. И пока я прикидывала, как бы не промахнуться, она отвечала, что хотела бы дружить с Пушкиным, что у Толстого тяжёлый характер, Чехов язвительен, а Достоевский неврастеничен. И я хотела бы дружить с Пушкиным, не спрашивая его согласия. Тем более, это было легко. Юбилейный 1937 года Пушкин красовался на особой полке, а несколько других полок занимали труды о Пушкине. Мне разрешалось готовиться к лекциям, пользуясь этим богатством. А к открытой лекции по «Борису Годунову» мы готовились вместе. Мой голос, мне казалось, уверенно и убедительно звучал в аудитории, слушатели находили в лекции немало достоинств, а я была благодарна Маргарите Орестовне за науку, фактическую и методическую.

В беседах о Пушкине Маргарита Орестовна особенно выделяла его читательский талант. Пушкин читал не книги, Пушкин читал библиотеки. Сначала это была французская библиотека отца, потом русская дяди Василия Львовича, лицейская библиотека и домашняя библиотека директора лицея, библиотека Липранди в Кишиневе, английская библиотека графа Воронцова, библиотека Вольтера, которую императрица Екатерина купила и сложила в подвалах Зимнего Дворца, и Пушкин добился высочайшего позволения читать книги

вольтеровской библиотеки. Наконец, его собственная, любимая, на которую он тратился, как «стекольщик на алмазы», по его словам. О Пушкине Маргарита Орестовна говорила как о живом, но у которого, «дымясь из раны, кровь текла». В пушкинских бумагах сохранились записи его рукой на четырнадцати языках народов мира, и Маргарита Орестовна предлагала назвать эти языки, поясняя, что некоторые он знал приблизительно, поверхностно, например, английский, которому в дворянских семьях учили только девочек, а Байрона читал во французском переводе. Недавно встретилось это же наблюдение в комментариях В. Набокова к «Евгению Онегину». И никакое знание языков не помогло Пушкину вырваться за пределы родного отечества, просился в китайскую экспедицию - не пустили, просился на лечение в Дерпт (Тарту) - не пустили и т.д. Но его героям привольно было и в Испании, где «ночь лавром и лимоном пахнет», и в Италии, где «старый дож плывёт в гондоле с догарессой молодой», средневековой Германии и чумной Англии.

Когда-то давно, в Москве на улице Горького я остановилась у витрины небольшого букинистического магазина, где была выставлена среди других книга «Пушкин в Японии» и антология «Пушкин в стихах русских поэтов», составленная М.О. Габель. Магазин был закрыт на переучёт. Когда я попала в него снова, антологии уже не было, а «Пушкин в Японии» стоял. На просьбу показать эту книгу продавщица ответила, что это книга о том, как читают Пушкина в Японии, а Пушкин в Японии не был. «И не только в Японии», - добавила я и взяла в руки книгу, где на обложке был помещён очаровательный портрет японской девушки во всём родном убранстве. Оказалось, что это Маша Миронова в их японском понимании, а перевод заглавия «Капитанской дочки» звучал так: «Размышления бабочки о душе цветка, или Странные происшествия в России». Позже, уже в 1990 году, будучи участницей Международного Литературоведческого Чеховского конгресса в городе Южно-Сахалинске, к 100-летию пребывания Чехова на Сахалине, я проверю свою догадку у профессора Токийского университета господина Никамура Накамото, не является ли первая часть заглавия указанием на повествование от первого лица, и услышу на чистом русском языке: «Да-да-да».

Сахалинский эпизод мог бы показаться второстепенным, если бы в перерыве между заседаниями ко мне не подошёл Председатель Всемирного Чеховского общества профессор Роберт Джексон, который поблагодарил меня за доклад и сказал, что внимательно меня слушал и что ему была интересна моя главная мысль. Здесь всё для меня было дорого: и что была мысль, и что она моя, и она главная. Мой доклад назывался «Жанр путевого очерка у Чехова и Лескова («Остров Сахалин» и «Монашеские острова)». С какой радостью я рассказала бы об этом Маргарите Орестовне, как важны были для меня её уроки!

Последней работой Маргариты Орестовны была большая статья «А.И. Белецкий - исследователь Лескова» для очередного тома «Литературного наследства», глубокая, обстоятельная, полная духа высокой науки. Об Александре Ивановиче Белецком, своём учителе и руководителе аспирантуры, Маргарита Орестовна вспоминала часто и молодела. По её рассказам выходило, что она не робела, старалась держаться на равных. Ей нравилось, когда окружающие замечали: «Он её ждёт, а она перчатки натягивает» - и показывала это на маленьких изяшных руках. Каждому эпизоду нашей быстротекущей жизни находила соответствующее собственное событие. Мы вернулись из байдарочного похода по Волге - Маргарита Орестовна вспоминает, как она с сестрами плыла по Волге на пароходе «Императрица Мария Фёдоровна»; рассказал нам наш добрый друг Павел Викторович Блюх о своей поездке в Италию (тогда это была большая редкость), и я делюсь его впечатлениями, вспоминается: «Когда мы с сестрами были на озере Лаго-Маджоре...» При этом важны были не только события, но и пережитые тогда чувства: у неё был особенный уровень отношения к реальности, к людям.

«Ну, Ниночка, какая Вы?» - слышала не раз такой вопрос и пыталась разгадать его. А отвечать надо было ясно и просто: голодная, усталая, весёлая, довольная, расстроенная и т.д. И каждый раз я радовалась этому вопросу, потому что так обо мне никто меня не спрашивал. Признаётся ей на экзамене студентка-заочница, что не читала «Анну Каренину», и слышит в ответ: «Я Вам завидую, Вам предстоит огромное удовольствие». Попыталась когда-то я проявить самостоятельность, не обсудив с нею, послала заявку на Чеховский семинар и увидела её

огорчение, сформулированное шутивно-грозно: «Обмена тайных дум не будет между нами...» Хотя и так никаких «тайных дум» не было, но это был тоже урок. Поэзия Баратынского содержала великолепные жизненные установления и предостережения: «Мы в молодые наши лета даём поспешные обеты, смешные, может быть, всевидящей судьбе». Это был источник внутренней самоиронии, скрытого утешения, и в разных интонациях звучали стихи Баратынского из её уст. О недалёкой смерти говорила легко: «Войдёт няня в тёмную комнату и накроет своим тёплым платком». Не любила говорить о болезнях, а если и говорила, то не о своих.

Просит, например, прочитать Тютчева, вот это: «О как на склоне наших дней сильней мы любим и суеверней...» Читаю и понимаю, что получается плохо, не могу поймать ритм, не те паузы, а Маргарита Орестовна говорит: «Эти стихи писал далеко не молодой человек, у него было больное сердце, совершенно другое дыхание. Давайте прочитаю я». И читает так точно, так проникновенно: «...Помедли, помедли, вечерний день, продлись, продлись, очарованье...».

Между стёклами книжного шкафа в моей комнате стоит фотография Маргариты Орестовны, она смотрит вполборота на маленький круглый столик, на плечах светлый шарф, сидит она на своём любимом диванчике, а за спиной - девяностотомный Толстой. И так снова хочется в ту комнату, где за письменным столом сын Миша...

Сын Миша, чтобы не подводить науку, учёным не стал, стал замечательным фотохудожником, а дочь Маша защитила диссертацию по компьютерным толковым словарям. Время идет. Память о Маргарите Орестовне остается с нами.

Т.С. Раскина

М.О. ГАБЕЛЬ (Штрихи к портрету)

Выдающийся учёный-литературовед и книговед, личность яркая, неординарная, Маргарита Орестовна Габель свою жизнь посвятила научно-педагогической работе. Человек высокой нравственной чистоты, душевной щедрости, благородства и

мужества - такой была Маргарита Орестовна, такой осталась в благодарной памяти тех, кому выпало счастье общаться с нею.

М.О. Габель родилась в 1893 году в семье политических ссыльных. Её родители Орест Мартынович и Августина Станиславовна Габель принимали активное участие в революционно-освободительном движении 70- 80 годов XIX столетия.

.. Позади два года заключения в Петропавловской крепости. Там, в тюрьме, родилась их первая дочь Людмила. Миновали семь лет ссылки в далёкой Сибири. 1887 год. Супруги Габель вместе с пятью детьми приезжают в Харьков и сразу же активно включаются в общественную и культурную жизнь города. Деятельность их неизменно связана с просветительством, распространением в народе знаний. Человек высокообразованный, Орест Мартынович, чтобы прокормить семью, вынужден работать страховым агентом. Однако все свои знания, незаурядные организаторские способности, а иногда даже деньги, отрываемые от скромного бюджета семьи, он отдаёт просветительству. Активный член Харьковского товарищества по распространению в народе грамотности, он стал одним из учредителей и членом правления Харьковской общественной библиотеки (ныне Харьковская научная библиотека им. В.Г. Короленко), которая всегда была объектом его особой заботы. С Харьковской общественной библиотекой связана и деятельность Августины Станиславовны, и старших дочерей Людмилы и Елены. Все взрослые члены семьи находятся под пристальным тайным надзором полиции.

Демократические традиции, нравственная атмосфера этой семьи, где самим воздухом были идеи самоотверженного служения обществу, людям, не могли не повлиять и на младших детей Юрия и Маргариту, которые избрали для себя иную стезю, посвятили жизнь науке. Вероятно, именно там, в семье берут начало такие качества Маргариты Орестовны, как независимость взглядов, стойкость, сила характера, умение мужественно преодолевать невзгоды, способность много и плодотворно работать, активная действенная любовь к людям, к жизни.

Закончив в 1912 году гимназию, Маргарита Габель поступает на историко-филологический факультет Харьковских Высших женских курсов, позднее (в 1919 г.) слитых с Университетом.

Заканчивает два отделения: историческое (1916) и словесное (1919). Её оставляют ассистентом кафедры литературы университета для подготовки к научной работе. В 1922-1925 гг. она - аспирант научно исследовательской кафедры истории европейской культуры, в 1925-1929 гг. - старший научный сотрудник этой же кафедры, а со временем и кафедры литературоведения, старший преподаватель, а затем (с 1929 г.) доцент кафедры русской литературы Академии теоретических знаний и др. институтов, возникающих на базе ХГУ. В 1940 г. защищает диссертацию "История одного города" Салтыкова как антидворянская сатира" и получает научную степень кандидата филологических наук. Во время Великой отечественной войны преподавала в Оренбургском (в то время Чкаловском) педагогическом институте (1943-1944 гг.). Возвратившись из эвакуации в 1944 г., вела научно-педагогическую работу в Харьковском государственном педагогическом институте, где кроме лекционной работы руководила подготовкой аспирантов.

Такова скупая хроника жизни М.О. Габель в эти годы.

Еще в гимназии произошла ее встреча с выдающимся украинским литературоведом А.И. Белецким. Любимый преподаватель в гимназии, на Высших женских курсах и в Университете, где она училась, руководитель в аспирантуре, он был ее наставником, научным руководителем и другом и оставался им всю жизнь. Ему со временем посвятила она ряд статей.

Академик, заслуженный деятель науки А.И. Белецкий - автор более 500 работ, в которых исследуются важнейшие вопросы теории и истории литературы.

Его необыкновенная эрудиция, широта диапазона и разнообразие научных интересов, охват явлений литературы разных стран и народов от древних времен до современных, при неизменной глубине анализа поразительны. Ему принадлежат исследования по теории литературы и психологии художественного творчества, работы по истории украинской, русской, мировой литературы всех времен, исследования по истории театра. Большое внимание уделял А.И. Белецкий художественной специфике литературы. Долгие годы он возглавлял институт Мировой литературы им. Т.Г. Шевченко в

Киеве, много сделал для подготовки литературоведческих кадров.

Одной из лучших, наиболее последовательных представителей его школы была М.О. Габель. Свою талантливую ученицу Белецкий оценил уже с первых ее шагов в науке. Об этом свидетельствует тот факт, что в свою теоретическую работу «В мастерской художника слова» он включил отдельным разделом работу М.О. Габель «Изображение внешности лиц». Эта работа, написанная в 20-е годы, когда в отечественном литературоведении процветали формализм, вульгарный социологизм и прочие «измы», осталась свободной от влияния какого-либо из этих направлений и до сих пор остается наиболее значительной по этому вопросу

Объектом научных исследований М.О. Габель был фольклор, русская литература ХУШ-ХГХ веков, но особое внимание уделяла она исследованию творчества И.С. Тургенева, которое со временем стало делом всей ее жизни. В эти годы были опубликованы работы: «Песнь торжествующей любви Тургенева: Опыт анализа», «Три встречи» Тургенева и русская повесть 30-40-х годов XIX века», «Щедрин и Тургенев».

Этим работам присущи глубокое знание материала, исчерпывающий анализ, научная обстоятельность.

Свою научно-преподавательскую работу М.О. Габель сочетала с библиотечной деятельностью. В разное время она возглавляла книговедческую библиотеку Украинской книжной палаты (1931-1932 гг.), заведовала библиотекой Научно-исследовательского института педагогики (1932-1933 гг.), во время эвакуации работала библиографом Киргизской республиканской библиотеки. Однако, особое место в ее библиотечной деятельности занимает Харьковская государственная научная библиотека им. В.Г. Короленко, та самая Общественная библиотека, одним из создателей которой был ее отец.

Самым значительным, что было сделано ею за время работы в библиотеке, является организация отдела старопечатных и редких книг, основателем и руководителем которого она стала. Еще в 1934 г. при отделе хранения фондов по инициативе и под руководством М.О. Габель была создана книговедческая группа, которая начала создавать коллекцию редких книг ХУІ-ХГХ ст.,

нелегальных и запрещенных цензурой изданий, книг с автографами, представляющими общественный интерес, ценных иллюстрированных изданий XIX-XXст. Выявление, научное описание, каталогизация таких изданий, формирование коллекции харьковских изданий, описание художественно оформленных изданий, создание основы каталогов и картотек - вот основные направления работы М.О. Габель и ее группы. Так был заложен фундамент отдела старопечатных и редких изданий, который как самостоятельный отдел начал работать в 1940 году.

Во время оккупации Харькова фонды библиотеки понесли утраты. Среди них - три тысячи экземпляров старопечатных изданий, 370 иллюстрированных изданий XIX века. К тому же коллекции отдела во время войны были смешаны с основным фондом. В 1944 г. М.О. Габель, вернувшись из эвакуации, возглавляет отдел и вместе с сотрудниками берется за выявление фонда и реконструкцию книжных коллекций отдела. К 1949 году памятники печати уже были полностью возвращены в фонд отдела, составлена картотека утраченных в период войны изданий. За всем этим - неутомимый кропотливый труд. Отдел пополнился новым сотрудником-единомышленником. В нем трудится И.В. Знаменская. Формируются новые коллекции украинской старопечатной книги, изданий XIX ст., прижизненных изданий классиков мировой литературы.

В этом отделе, который основала и выпестовала М.О. Габель, хранится теперь ее архив. Сейчас уже не осталось в отделе людей, которые работали вместе с нею, лично знали ее, но память о ней, традиции ее живы.

В 1949 г. научно-педагогическая работа М.О. Габель была неожиданно прервана. Над страной нависли тучи сталинских репрессий. Одно за другим выходят грозные постановления ЦК по идеологическим вопросам. За ними - громкие кампании, идеологические чистки и репрессии среди гуманитарной интеллигенции. Одной из жертв рьяных идеологических борцов стала и Маргарита Орестовна. Ее обвинили в «пропаганде буржуазно-эстетской методологии» и уволили из пединститута, где она тогда преподавала. Но она не склонила голову, проявила стойкость и мужество и добилась снятия надуманных обвинений. Случай неслыханный для тех страшных лет. Приказ был отменен, однако возвращаться в пединститут она не захотела. В том же

1949 году она была по конкурсу принята на должность доцента кафедры литературы Харьковского государственного библиотечного института. Так институт приобрел одного из самых выдающихся своих ученых.

Работа в ХГБИ была плодотворной и интенсивной. М.О. Габель читает лекции, продолжает исследовательскую работу. Она выступает с докладами на научных конференциях в институте и за его пределами, постоянно принимает участие в Тургеневских конференциях в Орле. В ученых записках и научных сборниках печатаются ее статьи: «Эзоповская манера в «Записках охотника» И.С. Тургенева», «Роман Тургенева «Дворянское гнездо» в общественно-политической и литературной борьбе конца 50-х годов», «Образ современника в раннем творчестве И.С. Тургенева (поэма «Разговор»)», «Первая повесть И.С. Тургенева «Андрей Колосов» (в поисках нового героя)», «И.С. Тургенев в борьбе со славянофильством в 40-х годах и поэма «Помещик»» и мн.др. В этих работах произведения Тургенева рассматриваются как факт истории русской литературы и общественной мысли 40-50-х годов XIX века. Самобытность и глубина анализа сочетается с простотой и тонкостью формы.

В 1959 г. в издательстве Харьковского государственного университета издана её книга «Вопросы изучения творчества И.С. Тургенева». В этой небольшой по объему книге (всего 69 страниц) обобщены достижения советского тургеноведения, сформулированы важнейшие проблемы исследования творчества писателя, перспективы и пути дальнейшей работы в этом направлении. Автор выступает против схем, распространенных в литературоведении. Через всю работу проходит мысль о недопустимости изучения творчества писателя в отрыве от литературного процесса. Эта книга была высоко оценена специалистами.

Докторская диссертация М.О. Габель «Творчество И.С. Тургенева 40-60-х годов и литературное движение его времени» - итог многолетнего исследования творчества писателя.

«Обширный труд М.О. Габель принадлежит к тому типу историко-литературных исследований, которые, к сожалению, появляются у нас не часто», - писал акад. А.И.Белецкий. Подчеркивая «фактическую осведомленность автора, глубину

исследования и его документированность», он отметил: «Работа М.О. Габель является серьезным и большим вкладом в изучение Тургенева и в историю русской литературы 40-60-х годов. Она не имеет прямых аналогий себе в нашем литературоведении и «впервые ставит изучение Тургенева на почву подлинно научной методологии».¹

Научные работы М.О. Габель получают широкое признание у отечественных и зарубежных литературоведов.

Студентам М.О. Габель преподавала курс русской литературы. Лекции свои читала негромко, глуховатым голосом, без каких-либо ораторских эффектов, даже несколько монотонно. Но стоило внимательно вслушаться, чтобы понять, что из этих насыщенных содержанием, захватывающе интересных лекций нельзя пропустить ни единого слова. Яркие, оригинальные, такие далекие от сухого академизма и казенщины, они были самобытны. Маргарита Орестовна прекрасно и глубоко знала свой предмет и блестяще владела материалом. Логичность и последовательность построения, насыщенность каждого слова, и при этом простота, ясность и легкость стиля, чистота языка, делали каждую ее лекцию событием.

С первого до последнего дня работы в институте М.О. Габель была руководителем научного студенческого литературного кружка и сделала его настоящей лабораторией научного творчества. Большинство работ носило литературно-библиографический характер. Это были доклады и обзоры литературы с приложением, тщательно разработанных библиографических материалов, отдельные библиографические указатели и списки. Случалось и наоборот: составление библиографического указателя было конечной целью работы, но для осуществления ее предварительно проводилась самостоятельная литературоведческая исследовательская работа. Тематика работ, всегда актуальная и интересная, подбирались руководителем таким образом, что исключала возможность компиляции, требовала самостоятельности мысли и

¹ Белецкий А.И. Предварительный отзыв о работе М.О. Габель «Творчество И.С. Тургенева 40-60-х годов и литературное движение его времени». (Машинописный текст с подписями А.И. Белецкого. Конец 50-х начало 60-х гг.) 8 л. в папке - ХГНБ им. Короленко. Отдел редких изданий. Личный архив М.О. Габель. К-4 88/322-С. 1-2.

добросовестного труда. Любители легких успехов в кружке надолго не задерживались. Работала с кружковцами Маргарита Орестовна с полной отдачей - того же ждала и от них.

«Наука признает лишь тех, кто горит, отдается ей весь, не терпит измен и ревниво относится к своим поклонникам, не прощает охлаждения», - писала она.²

Работа под руководством М.О. Габель была захватывающе интересной. Круг кружковцев расширялся. Лучшие доклады на городских и всесоюзных смотрах научно-студенческого творчества неизменно получали высокую оценку и премии.

Научный авторитет Маргариты Орестовны был очень велик. Её выступления на заседаниях кафедры, на научных конференциях всегда были содержательны, значительны, конструктивны. Она была одним из авторитетнейших консультантов литературоведческих работ.

Активно работала М.О. Габель и в клубе книголюбов, душой которого, его организатором и руководителем был друг Маргариты Орестовны, известный украинский книговед И.Я. Каганов. Работе этого клуба, функционировавшего при центральной лектории и пользовавшегося большой популярностью среди тех, кто любил книгу, посвятила М.О. Габель статью «Харьковский Клуб любителей книги».

...Минует время. Приходит старость. Покидают силы. Ухудшается зрение. Она уже не может посещать Ленинскую библиотеку, вынуждена отказываться от поездок в Спасское, к Тургеневу. А это всегда было так желанно, так необходимо! С 1963 года М.О. Габель оставляет преподавательскую работу, идет на пенсию. Но исследовательская работа продолжается. Не давая себе спуска, она ежедневно и обязательно проводит несколько часов за письменным столом. Опубликован ее историко-литературный комментарий к «Рудину» для Полного собрания сочинений и писем И.С. Тургенева, в тургеневских сборниках печатаются статьи «Дневник лишнего человека»: об авторской оценке героя; «Рудин»: из истории борьбы вокруг романа (Чернышевский и Тургенев)». В «Литературном наследстве» выходит статья «Творческая история романа «Рудин»,

публикуются статьи в сборнике «Книга» и в других фундаментальных научных изданиях.

А еще, как всегда, научная переписка, диссертации, отзывы, консультации и дом, двери которого широко раскрыты для всех, кому нужна помощь, совет, поддержка. Отрываясь от собственных работ, она всегда помогала всем, кто обращался к ней, а обращались многие по разным вопросам, часто далеким от ее собственных научных интересов. Была всегда довольна, когда ее мысли, ее советы находили отклик, давали толчок для дальнейшей самостоятельной работы, всегда радовалась успехам коллег, учеников. Уважала самостоятельность мыслей, даже тогда, когда они расходились с ее собственными. С нею на равных могли дискутировать и студенты, и начинающие исследователи. Беспощадная к халтуре и поверхностности, требовала точности и аккуратности в работе.

Литературовед-русист, она всегда интересовалась взаимосвязями русской и украинской литератур, уделяла большое внимание их исследованию.

Человек книги, науки, Маргарита Орестовна никогда не была кабинетным ученым. Ее интересы были широки и разнообразны. Ее сознательная жизнь начиналась в начале XX столетия, однако она всегда была очень современной, с живым интересом следила за всем новым в литературе, искусстве, жизни, до глубокой старости сохраняла молодую душу, интерес к людям. Вероятно, поэтому ее всегда окружала молодежь.

«Я люблю человека всего, с большим и малым, люблю даже его недостатки и не люблю людей, когда они только хороши и добродетельны», - писала она.³

Ее отношение к коллегам, студентам, ученикам часто выходило за рамки академизма, превращалось в дружеское, было полно заботы и душевного тепла.

«Настоящие ученики, вероятно, становятся кусочком живой плоти своего учителя», - писала она. - Работа над Пушкиным, Маяковским, Эренбургом, несомненно, сроднила нас».⁴

³ Письмо 5 апреля 1955г. Из архива автора.

⁴ Письмо 20 сентября 1954г. Из архива автора.

Писательница И. Гофф в рассказе «Маргарита Орестовна», вошедшем в цикл «Подруги матери моей», рисует её так: «В серебристо-чёрном халате, седая, царственная, с низким голосом и одышкой. Строгая и смешливая одновременно».⁵

Моральный авторитет и обаяние её личности, где суровость и высота нравственных норм, требовательность и принципиальность органически сочетались с мягким юмором, тонкой иронией, душевной щедростью и чуткостью, активной деятельной добротой, умением приходить на помощь именно в тот критический момент, когда поддержка крайне необходима, многие почувствовали на себе.

Убелённая сединой, величавая, всегда изысканно и красиво одетая, она излучала благородство и доброжелательность. Общение с ней обогащало, заряжало оптимизмом и энергией.

Работы М.О. Габель отличает самобытность и яркость. В них не найдешь общих мест, затертых от частого употребления мыслей и выражений. Независимая мысль подлинного ученого была неподвластна конъюнктуре советского литературоведения. Поэтому ни одна из ее работ не утратила своего научного значения и сейчас.

ПОДРУГИ МАТЕРИ МОЕЙ⁶

Подруги матери моей,
Что в жизни были одиноки,
Окончили земные сроки.
Подруги матери моей...
И мать ушла за ними вслед.
Как будто зеркало разбилось,
Но дружба, длившись столько лет,
В осколке каждом отразилась.

Маргарита Орестовна

Она сидела в кресле у письменного стола и подрезала мелкие розы, одну за другой, неторопливыми, привычными движениями: шипы, лишние нижние листья, стебель.

В серебристо-черном халате, седая, царственная, с низким голосом и одышкой. Строгая и смешливая одновременно.

Тургеневед. Ученица академика Александра Ивановича Белецкого. Может быть, любимая ученица. Во всяком случае, он ее любимый учитель. У нее сохранилось восемьдесят одно письмо от него. Когда-то он жил в Харькове, потом переехал в Киев. Теперь в Киеве есть улица его имени.

Маргарита Орестовна. Р и т о ч к а. Друг моей матери. Слово п о д р у г а здесь не вполне уместно. В подругах предполагается равенство. Мама была несколько младше Маргариты Орестовны, она относилась к Р и т о ч к е с глубоким почтением. Главной причиной было то, что Р и т о ч к а всю жизнь, до самой смерти Александра Ивановича и даже после его смерти, оставалась его ученицей.

Когда-то студенты всех факультетов, в том числе и моя мама, учившаяся на естественном, стекались на лекции по литературе профессора — в то время — Белецкого. Впечатление от этих лекций мама сохранила навсегда. Как и страсть к чтению. Эта

⁶ «Октябрь» № 7, 1988, отрывок.

страсть развилась в ней еще в детстве, когда с осложнением после скарлатины она почти год пролежала в постели. Ей было тогда десять лет. Потеря возможности читать, постигшая ее в конце жизни, стала для нее трагедией.

Маргарита Орестовна жила за Госпромом, небоскребом первых пятилеток, фирменным знаком моего города. Дом, в котором она жила, был не менее знаменит, именовался он Домом специалистов. Своей семьи Маргарита Орестовна не имела, жила в одной квартире с братом, Юрием Орестовичем, известным ученым-химиком, профессором, доктором наук.

Тургенев, предмет ее пристального изучения, был постоянным спутником и собеседником Маргариты Орестовны. Я думала как-то: почему Тургенев? Ведь должно же что-то определять причину направленности нашего интереса?

Почему Виктор Шкловский выбирает Льва Толстого? Сергей Михайлович Бонди — Пушкина? Ираклий Андроников — Лермонтова? А Владимир Николаевич Орлов свою жизнь посвящает Блоку?

Какие глубоко скрытые внутренние связи обусловили сделанный ими выбор?

Литературовед не актер. Актеру даже полезно бывает играть роли не схожие, разрушать свое амплуа, где уже выработались некоторые штампы.

Бросаться на поиск и, значит, расти...

Литературоведение похоже на погружение. Минуешь верхние прозрачные слои и постепенно погружаешься в глубину, где уже нельзя работать без кислородной маски. Стремись исчерпать все до дна.

Иногда это одно имя. Иногда — круг схожих имен. Одна эпоха...

Можно, конечно, стараясь объять необъятное, с одинаковым рвением браться, скажем, за Чехова и Маяковского. Со мной могут поспорить. Но мне больше по сердцу однолюбый...

Тургеневед Маргарита Орестовна Габель была однолюбом.

Но вернемся в Харьков. В небольшой темноватый кабинет, заставленный книжными шкафами, украшенный акварелями Волошина и редкими фотографиями Анны Ахматовой. Уже давно нет в живых Юрия Орестовича. Умерли и родные сестры Елена Орестовна и Валерия Орестовна. В один из приездов

мне довелось быть на скромном пиру. Тогда они жили вместе. Диетический пир с обязательным в этом доме ароматом хорошего кофе.

Маргарита Орестовна была младшей, но сестры гордились ею и немного робели. Все трое были заняты библиотечным делом. Валерия работала в районной библиотеке, а Елена была добровольным книгоношей — доставала жильцам нужные им книги и разносила по квартирам.

Книгоноша... Странное слово это я впервые услышала школьницей в годы войны, в Томске, работая в госпитале. Какое-то время я сама была там книгоношей — собирала в палатах заявки у раненых и, взяв в библиотеке нужные книги, разносила их по палатам. Меня ждали, радовались мне, «ходячие» обступали толпой.

Жизнь Маргариты Орестовны была тесно связана с Харьковской научной библиотекой имени Короленко — Общественной библиотекой, как называли ее встарь, когда, приезжая к брату Юлию, в ее читальном зале подолгу сживал Бунин.

Это знаменитая в стране библиотека, родственная московской Ленинской и Ленинградской имени Салтыкова-Щедрина. Открылась она сто лет тому назад, в 1886 году, и одним из ее организаторов был отец Маргариты Орестовны, Орест Митрофанович Габель, профессиональный революционер. Сын австрийского подданного, он в двадцать два года впервые подвергся в Петербурге обыску и аресту за переписку с революционерами-эмигрантами и выслан к отцу в Волынь. В середине семидесятых годов он в Женеве. Участник восстания в Герцеговине, на Балканах. Вернулся в Россию, в Петербург, под фамилией Соболев. Но через год уже был арестован за сношения с С. Коваликом и другими видными деятелями «хождения в народ». Посажен в Петропавловскую крепость под фамилией Клименко. За связь с политическими арестантами подлежал высылке, как иностранный подданный. Но Австрия от него отказалась, и тогда его сослали в Сибирь — в Балаганск Иркутской губернии. Только в 1884 году ему разрешили приехать в Харьков, где он оставался под надзором полиции до 1886 года. В Харькове он сразу включился в культурную жизнь города.

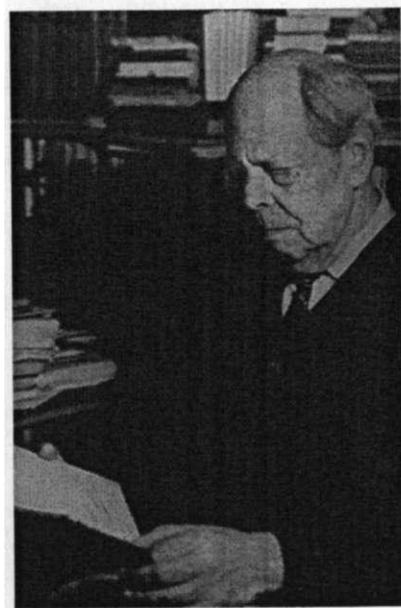
А. И. Белецкий и М. О. Габель

Т. С. Раскина и М. О. Габель

М. О. Габель

И. Я. Каганов

М. О. Габель

И. Я. Каганов и М. О. Габель

А. М. Финкель

А. П. Финкель и А. М. Финкель

В это время строилось новое здание библиотеки по проекту академика архитектуры Бекетова. Орест Митрофанович потратил много сил, собирая деньги на строительство,— библиотека имени Короленко и теперь помещается в этих стенах.

Он переписывался с книготорговцами России с целью получения бесплатно книг для библиотеки. Один из его друзей вспоминал: «Харьковцы помнят его величественную фигуру, когда, опираясь на костыли, он призывал к энергичной работе, давая всем пример и заражая своим энтузиазмом...»

Его жена, мать шестерых детей, Августа Станиславовна, родом из обрусевшей польской семьи, была соратником мужа по политической борьбе, испытала все тяготы тюрьмы и ссылки. Старшая дочь Людмила родилась в тюрьме.

В Харькове она тоже была причастна к Общественной библиотеке. Собирала пожертвования на открытие ее филиала в рабочем районе города. Дежурила на абонементе. Она обращалась на бланке Правления библиотеки и к Антону Павловичу Чехову с просьбой прислать книги для рабочего филиала. В рабочих отделах библиотеки работали и сестры Маргариты Орестовны. При этом они тоже долгие годы находились под надзором полиции.

Как-то при обыске у Людмилы нашли революционные издания со штампом рабочих филиалов: сестры распространяли их среди читателей.

Вот такая семья.

Естественно, в детстве я этого не знала. А во время коротких встреч с Маргаритой Орестовной мы говорили о другом. Теперь захотелось восполнить этот пробел — узнать о ее родителях.

И вот, неожиданно для себя, из кабинетной тишины тургеневода я нырнула в горячий поток революционного движения. Моими лоцманами были доктор исторических наук Валентина Александровна Твардовская, автор книг и работ о народовольцах, Елена Дмитриевна Радкова, занимавшаяся этой темой, и кандидат наук Игорь Лосиевский, нынешний сотрудник библиотеки имени Короленко.

Маргарита Орестовна по праву считала эту библиотеку своим родным домом. Она проработала здесь в разных должностях Двадцать лет. В последние годы заведовала отделом старопечатных и редких изданий.

Книги окружали ее всю жизнь. Книги, ученики — они же ее друзья — и аромат кофе. В друзьях она была счастлива — профессор Каганов с женой жили с ней даже в одном доме.

— Каждый мой день начинается с их телефонного звонка,— сказала она мне.

Но старых друзей становилось все меньше. Переписка с теми, кто жил вдаль, заменила живое общение. А потом и переписки не стало. Только память...

Иван Сергеевич Тургенев воцарился в ее душе давно. С его «Стихотворениями в прозе» и романами, вызывавшими бурные страсти. С его странностями. Одиночеством при обилии друзей и близких. Такого рода одиночество познала и она.

С Тургеневым ей не было скучно. В ее архиве, перешедшем в библиотеку имени Короленко, хранятся ее труды, посвященные Ивану Сергеевичу. И ее перевод книги французского тургеноведа Гранжара, изданной в Париже.

Она могла говорить о нём часами. Вспоминать свои поездки в Спасское-Лутовиново с ностальгической тоской, с какой, наверное, вспоминал свое имение сам хозяин, живя в Буживале и разглядывая пейзажи поэта Якова Полонского, написанные в Спасском и висящие по стенам. Тенистые липовые аллеи, скамеечки, мосток через овражек, пруд на краю покатога сада, столь большого, что не сразу слышно было, когда на террасе звонили в колокол, сзывая гостей к обеду...

Тургенев был для нее живой человек, близкий знакомец.

— Опять зовут в Спасское,— сказала она мне в нашу последнюю встречу.— На Тургеневские чтения. Но сил уже нет... Больше мне там не бывать...

Она была грустна. Сказала, что пишет книгу о Белецком: «Шестьсот страниц уже есть». Спрашивала о маме, о моих литературных делах. Они всегда ее интересовали. Сначала потому, что я дочка Зои, потом уже сами по себе. Ее огорчило, что мама почти не спит по ночам, и она сказала, что тут же напишет ей письмо. И написала: «Дорогая Зоинька! Прошу Вас не вести ночной разгульной жизни и принимать на ночь в 12 часов полтаблетки эуноктина. Запить ее горячим чаем с медом или конфетой и лечь спать. Этот совет делаю Вам как опытный глотатель снотворных, без которых никогда не сплю. Простите

мой почерк. Все это объясняется зрением. Целую Вас, дорогую и милую. Ваша М.Г.».

Жаловалась мне, что мало выходит на улицу из-за болезни глаз. Читает с лупой. А еще недавно принимала деятельное участие в защите диссертаций, писала отзывы. Впрочем, и в этом была уже уступка возрасту, И тогда мама выговаривала ей (у меня сохранился черновик): «Мне кажется, Риточка, что «отзывы» — это не то, что Вы должны и можете дать людям, для которых литература — вся жизнь. А кто расскажет им о литературе, если не Вы? Это Ваша обязанность, и Вы должны ее выполнить, несмотря на все препятствия. Вы их преодолете, я уверена...»

Так писали они друг другу, стараясь помочь на последнем отрезке пути.

Словно сам собой возник в воздухе запах кофе. Мы пили его не спеша, беседуя. И я вспомнила, как когда-то в моем детстве она в сопровождении неразлучной своей подруги Марии Григорьевны приходила к нам в гости. Какой в их честь устраивали прием!..

Гостей по тем скудным временам звали не часто. А тут был именно прием — белоснежная скатерть, салфетки в кольцах. Из буфета доставали старинный сервиз. Бабушка пекла «наполеон» — не тот, скромный, который она в шутку называла «Наполеон на острове Св. Елены», а настоящий, пышный. И делала хрустики — их чаще называют «хворостом». Но у бабушки были хрустики. Румяные, посыпанные сахарной пудрой с ванилью, они, похрустывая, таяли во рту.

Одного я опасалась: как бы мама не стала меня демонстрировать. Был у мамы такой грешок: просить меня при гостях прочитать свои стихи — я их тогда уже начала сочинять. Сохранилась фотография, мы сняты у нас дома. Маргарита Орестовна, молодая, цветущая, волосы подстрижены по моде коротко, причесаны на косой пробор. Небольшие умные глаза искрятся смехом. Рядом Мария Григорьевна, худенькая, застенчивая, как всегда немного печальная. А между ними я, лет двенадцати, в костюме боярышни — атласный кокошник расшит бисером, сарафан с кисейными рукавами, бусы в три ряда. Мне этот костюм шили к школьному утреннику, где я танцевала. И

вот к приходу Габель меня в него нарядили, и вид у меня чуть сконфуженный...

А сейчас мы пили кофе, и Маргарита Орестовна расспрашивала меня о московских новостях. Она не была узкой, старалась следить за всем новым, что появлялось в прозе и поэзии. Ее интересовали новые имена.

За окнами смеркалось. Кружась, пролетали отдельные желтые листья. Была осень семьдесят шестого года. Прощаясь, мы расцеловались.

Она подарила сборник научных статей «Тургенев и русские писатели», изданный годом раньше в Курске. Там была и ее статья. Нетвердым почерком она надписала: «Дорогим моим московским друзьям эту маленькую статейку с большим названием. Всегда помню и люблю вас».

Никогда бы я не решилась сказать ей, что простила с Тургеновым давно, еще в школьные годы. Тургеновские девушки, язвительно-жесткие нигилисты!..

В отношении к нему я сама была нигилисткой. Прочла я у него, кажется, все, невзлюбив «Асю», предпочтя всем его романам «Первую любовь» с ее пронзительным концом, который нельзя придумать. Позднее я нашла подтверждение своей догадки в известном письме Белинского Тургеневу:

«Мне кажется, у вас чисто творческого таланта или нет — или очень мало (...). Если не ошибаюсь, ваше призвание наблюдать действительные явления и передавать их, пропуская через фантазию...»

Старые люди становятся подобны деревьям. Они дышат и шелестят листвой. Они покорно и терпеливо ждут вас. Надо только не откладывать надолго встречи... Не опоздать.

— Приезжай! — сказала Маргарита Орестовна, крепко прижимая меня к своей груди.

Я знала, что она думает о том же, о чем и я.

Дома я прочла её в самом деле небольшую статью о том, как были приняты «Записки охотника» П.В. Анненковым и В.П. Боткиным. Анненков не сразу оценил «Записки», обвиняя Тургенева в сочинительстве, сравнивая его с модным силачом и фокусником того времени Раппо, называя крестьян, им выведенных, оригиналами, Боткин тоже увидел в «Хоре и Калиныче» придуманность и идилию. Но очень скоро он

изменяет свое мнение о «Записках охотника», о чем сообщает в письме Анненкову, находя в них поэтическое чувство природы, «и что важно, русской природы...».

После этого весьма забавно звучат его слова в том же письме, что он смакует их, «как те великолепные персики из Винченцы, о которых и у Вас, вероятно, еще сохранилась память...».

Ироничная, острая, исполненная блеска статья.

И захотелось самой перечитать «Записки охотника», а за ними потянулось и другое, когда-то отвергнутое мной с категоричностью, присущей юности.

Маргарита Орестовна Габель...

Она слыла человеком чисто книжным. Именно так воспринимали ее многие, даже знавшие близко. Но ведь она была очень женственна. Так неужели?..

Я спросила об этом у мамы. И услышала историю, о которой мало кто знал прежде, а теперь не знает, пожалуй, никто.

...Они познакомились в дни войны, за две недели до его отъезда на фронт после реформировки дивизии. Он был политработник — рослый, чуть сутулый, зеленоглазый. Ему, как и ей, было за сорок.

И он тоже был одинок.

Она читала ему стихи Ахматовой, варила кофе — у нее был небольшой запас. Они говорили о будущей жизни. «Если будет жизнь», — добавлял он.

С фронта она получила два письма. Третье было написано незнакомой рукой. Оно заканчивалось словами: «Вспоминайте его иногда...»

Потекли годы. Много лет. Однажды почтальон принес письмо. Она узнала его почерк. Положила письмо перед собой и смотрела на него с суеверным ужасом.

Он писал, что ему нет прощения. Он знает. Но так получилось. И все же, если она разрешит, он должен увидеть ее. Хотя бы затем, чтобы поцеловать ей руку.

Она ответила в тот же день: «...все эти годы Вы для меня были живы и умерли только сегодня. Как жаль, что Вы умерли раньше меня!..»

Эта история кажется мне листком из тетради в черном переплете, куда Тургенев переписывал свои «Стихотворения в прозе», не предназначая их для печати.

О ЛЮБИМОМ УЧИТЕЛЕ

Это было более полувека тому назад, в 1950-м году. На одной из первых лекций в Харьковском библиотечном институте (куда я поступила учиться после окончания техникума культпросветработника) в аудиторию вошел пожилой человек необычной внешности. Прежде всего обращала на себя внимание его голова с высоким, как будто бы удвоенным лбом. Затем - мягкие движения рук.

Это был доцент Исаак Яковлевич Каганов. Нам предстояло слушать общеобразовательный и в то же время специальный курс «История книги».

Речь Исаака Яковлевича - ровная, безукоризненно правильная, на первых порах даже, пожалуй, малоэффектная, постепенно завораживала, заставляла стараться поймать и запомнить каждое слово. Наблюдать за лектором времени не было, так как был 1950-й год, учебники отсутствовали, и приходилось писать максимально полные конспекты.

Разносторонне эрудированный педагог, Исаак Яковлевич, читая историю книги, удивительно образно рисовал картины истории мира, литературы и искусства сквозь призму Книги. Может быть, впервые в жизни многие из нас услышали о Вечных Книгах: Библии и Коране. Мы услышали об инкунабулах, эльзевирах и палеотипах, о связях рукописной и печатной книги, о влиянии книг на умы и социальные перемены в истории человечества.

Особое, я бы даже сказала «любовное», внимание Исаак Яковлевич уделял искусству оформления книги. Недаром запомнилось на всю жизнь издание Данте Алигьери с иллюстрациями Гюстава Доре.

Все было новым и невероятно интересным.

На одной из первых лекций Исаак Яковлевич пригласил будущих библиографов (тогда был такой факультет) на занятие рецензионного кружка студенческого научного общества. Нас собралось много, студентов 1-3 курсов. На каждом занятии один кружковец выступал с рецензией на прочитанную книгу. Завязывался непринужденный разговор, называвшийся несколько

официальным словом «обсуждение». Для длительной работы нам были предложены темы на выбор. Мною была избрана тема «Писатели - лауреаты премий мира». Тогда ими были Юлиус Фучик, Жан-Ришар Блок, Назым Хикмет, Пабло Неруда.

И началась индивидуальная работа педагога с ученицей, которой предстояло самостоятельно составить списки всех изданий этих писателей и поэтов и желательно прочесть многие из них. Позже подбирались все публикации в прессе тех лет о жизни и творчестве каждого из них, составлялись библиографические списки.

Исподволь, в ходе бесед Исаак Яковлевич направлял изучение этих материалов, корректировал, стимулировал не к компиляции, а к выражению своих собственных мыслей. Заимствование слов, фраз из других авторов Исаак Яковлевич считал возможным, но с обязательным указанием источника. Это вошло в сознание на всю жизнь.

Некоторые работы кружковцев были представлены на конкурс и, в частности, мой библиографический обзор «Писатели - лауреаты премий мира» [X., 1951. - 26 л. + 8 л. библиогр. указ. 85 назв.] был отмечен премией. Во многом это было заслугой учителя.

К сожалению, курс «История книги» был завершен уже в первом семестре. Трепетно готовилась к экзамену, но отвечать не пришлось: получила «отлично» (хотя идея «автоматов» в институте родилась намного позже!). И помню, что несостоявшийся на экзамене ответ меня даже огорчил: хотелось достойно ответить любимому учителю. Ведь было бы стыдно перед Исааком Яковлевичем что-нибудь не знать. Но как мы мало знали по сравнению с его казавшимися необъятными знаниями!

Прекрасная, далеко не так часто встречающаяся черта педагога была присуща Исааку Яковлевичу: он не подавлял своими знаниями, предлагал студентам не стыдиться, не скрывать своего незнания, а интересоваться, задавать вопросы, смотреть справочную литературу, читать и *думать*.

Общение с Исааком Яковлевичем было простым, душевным, Располагало к откровенности.

Многие ученики Исаака Яковлевича бывали у него и дома. Его квартира в Доме специалистов была заполнена книгами, каждый простенок был заставлен книжными полками. Кабинет

от пола до потолка - книжные стеллажи. Здесь же - картины, рисунки, статуэтки. Письменный стол и тахта. И книги, книги, книги - как члены семьи.

Но книги в этом доме - не для красоты, не ради переплетов, а любимые и необходимые для работы (позже, сдавая экзамен кандминимума по книговедению, я находила в библиотеке Исаака Яковлевича то, чего не могла найти в научных библиотеках Харькова, особенно материалы по книговедению 20-30-х годов XX века).

В доме Исаака Яковлевича можно было встретить интересных людей, принять участие в живых дискуссиях и беседах о культуре и искусстве. Угощая гостей чаем с бубликами и конфетами, жена Исаака Яковлевича Дина Давидовна создавала атмосферу радушия и доброжелательности.

Исаак Яковлевич был великолепным знатоком книги. О чем бы ни велась беседа - о писателе, поэте, книговеде, библиографе - он делился личными воспоминаниями о выдающихся личностях, с которыми был знаком. И всегда рекомендовал прочесть, изучить ту или другую книгу.

Особенно теплыми, глубоко уважительными были рассказы Исаака Яковлевича о своем учителе - академике Александре Ивановиче Белецком, авторе более 800 работ, о котором Исаак Яковлевич написал несколько статей, дело которого продолжил и в своем литературоведческом творчестве (о Лесе Украинке, Тарасе Шевченко, других писателях и поэтах, в своей монографии, посвященной украинской книге XVI - XVII веков).

Конец 40-х - начало 50-х годов был тяжким испытанием в жизни Исаака Яковлевича. Волной борьбы с космополитизмом в 1952 году он был смещен с должности руководителя студенческого научного общества, а меня как «кагановскую аплодисментщицу» (именно это определение прозвучало на общем комсомольском собрании) сместили с должности председателя студенческого научного общества ХГБИ. Работы Исаака Яковлевича несколько лет не публиковали (об этом свидетельствует и библиометрический анализ публикаций, проделанный нами в процессе составления библиографического указателя, посвященного 100-летию юбилею Исаака Яковлевича Каганова).

Новый период в научной деятельности Исаака Яковлевича наступает в постсталинский период: конец 50-х, 60-е и 70-е годы стали наиболее продуктивными в его творческой деятельности.

Исаак Яковлевич не порывал связи со своими учениками. Многие из них стали коллегами. В той или иной мере они ощущали либо влияние его авторитета как ученого, либо получали непосредственную помощь.

Мне, перешедшей из Харьковской государственной научной библиотеки им. В.Г. Короленко на преподавательскую работу в ХГБИ, Исаак Яковлевич внушает мысль о необходимости углубленной научной работы. Он стал внимательным читателем и критиком моих первых статей, в частности, о технической книге Госиздата Украины, о создании первого технического издательства на Украине, о рабочем авторе. Исаак Яковлевич и советовал, и критиковал, и разъяснял. Позже он рекомендовал меня как соискателя научному руководителю моей кандидатской диссертации А.Я. Черняку. Не являясь моим научным руководителем по темам диплома и кандидатской диссертации, Исаак Яковлевич был учителем, стремившимся помочь во всем. Он сопереживал при моих неудачах и радовался моим публикациям. В память защиты кандидатской диссертации Исаак Яковлевич подарил мне 34-й сборник «Книга. Материалы и исследования» с автографом: «Поздравляю дорогую Наташу! Новых успехов и достижений! 10 апреля 1978 г.»

Мы, его ученики, с благодарностью помним и хотим сохранить в наших душах по-настоящему добрую и светлую память об учителе.

Настоящий педагог, каким был Исаак Яковлевич Каганов, не только передает знания, но и учит своему отношению к миру в целом, тому, что когда-то называлось *modus vivendi* - образу жизни. Не каждому в жизни суждено встретить такого педагога, личность, как Исаак Яковлевич Каганов, который служил бы примером и задал столь высокую интеллектуальную и духовную планку, стремиться к которой можно было бы всю жизнь.

БИБЛИОФИЛ НАВСЕГДА

Исаак Яковлевич Каганов вошел в нашу судьбу в 60-е годы XX века как преподаватель курса «История книги». Мы, студенты библиотечного факультета ХГБИ, ничего о нем не знали, не представляли себе ни его интеллектуальные ресурсы, ни масштабы его личности. Для нас это был несколько старомодный, вальяжный доцент, обладавший оригинальной наружностью и редкой способностью всегда кстати вставлять в свою речь латинские изречения, которым тут же давал перевод. Латынь была приметой интеллигента старой культуры. Образованностью и воспитанностью И.Я. Каганов резко выделялся среди малограмотных преподавателей послевоенных лет. Там были такие чудовища, как Саранчук, Мельниченко, Ключарев, Павлюк, Коропатва, которые нас калечили.

Напротив, к И.Я. Каганову мы испытывали духовное притяжение. Легко и непринужденно он вводил нас в галактику Гутенберга, которую нам предстояло освоить и жить в ней. Но тогда никто из студентов об этом серьезно не думал. Молодые и легкомысленные, мы видели в И.Я. Каганове только безобидного, доброжелательного педагога, открыто заявлявшего: «К студентам нужно быть снисходительным!» Над его двойным черепом и публикациями, не имевшими прямого отношения к его предмету, молодежь посмеивалась в своем кругу. Помню, как студенты обнаружили статью И.Я. Каганова в журнале «Советский цирк». Это было так непохоже на него! Забавляли нас и случайные встречи с ним в книжных магазинах Харькова.

И.Я. Каганова как ученого и человека мы открыли для себя позднее, когда осознали его ведущую роль в библиофильском движении на Украине. 60-е годы заметно оживили культурную жизнь. На книжный рынок поступило множество новых изданий. Это был праздник для книголюбов. Именно в эти годы Исаак Яковлевич наиболее полно раскрылся как библиофил, организатор и вдохновитель союза книжников как особого явления культуры. С его легкой руки на Украине возродилось искусство книжного знака. А учеников И.Я. Каганова объединили основанные им «Клуб любителей книги» и «Клуб

экслибрисистов», которые стали вершиной его библиофильской деятельности. Исаак Яковлевич создал трибуну не только для харьковской, но и для всесоюзной интеллигенции. Открылась возможность прямого общения с книголюбями из других городов. На заседаниях «Клуба любителей книги» выступили с докладами и сообщениями Н.А. Никифоров, автор книги «Поиски и находки» и «Рассказы коллекционера», А.П. Толстяков («Издание «Кобзаря» Т.Г. Шевченко»), П.М. Богданов («Книжные знаки книголюбов г. Кемерово»), С.Б. Шоломова («Жизнь и книги Ларисы Рейснер»), М.В. Черняков («Дарственные автографы А.М. Горького на книгах писателей»), Н.А. Никипелова («Литературные памятники Ленинграда»), А.Ю. Лейбфред («Музей Платенов в Антверпене») и многие другие. Отмечались такие крупнейшие события, как учреждение Всесоюзного добровольного общества любителей книг (1974 г.), Международная книжная выставка «Москва-1975». Обсуждались тематика и научное содержание сборников «Книга» и «Альманах библиофила».

За годы преподавания и выступлений в качестве лектора общества «Знание» И.Я. Каганов имел многотысячную аудиторию и создал *школу книголюб* на Украине. Может показаться, что окончить эту школу так же легко и просто, как современные курсы: заплатишь, скажем, 350 гривен и получишь диплом! Ничего подобного! Школа И.Я. Каганова неповторимое духовное явление, которое реально существует в его учениках. Культурным знаком этой школы является система книговедческих терминов, которыми оперировал Исаак Яковлевич. Например, что такое *folio* (в полный лист), *in quarto* (в четвертую долю), *duodecimo* (в двенадцатую долю листа) сегодня люди, далекие от книги, понятия не имеют. Язык библиофила для современной молодежи - это язык инопланетянина. Даже такие любимые термины И.Я. Каганова, как раритет (редкий экземпляр), эльзевиры (изящные книги малого формата) и *Codex argenteus* (серебряная книга), чужие для новых поколений.

Мир И.Я. Каганова - это максимы и мысли Ларошфуко, Монтеня, Шамфора, Лихтенберга, Лабрюйера и многих других. Их голоса звучали для Исаака Яковлевича, а сегодня звучат и для нас:

Монтень: «Мы большей частью богаты чужой мудростью».

А. Ламартин: «Книгопечатание уничтожило время: благодаря ему мы все современники».

Э. Фагэ: «Книги - наши последние друзья, которые нас не обманывают, всегда остаются с нами и не попрекают нас нашей старостью».

М. Монтегю: «Нет развлечения дешевле чтения книг и нет удовольствия более длительного».

Монтень: «Читая, мы упражняем душу».

Шамфор: «Наряд - предисловие к женщине, а иногда и вся книга».

Бальзак: «Мы все похожи на литографские камни, с которых злословие снимает бесконечное количество оттисков».

Д. Рёскин: «Не иметь книг - это высшая степень умственной бедности; не доводите себя до этого».

Если хотите открыть дверь в школу И.Я. Каганова, обратитесь к истории украинской книги (Каганов И.Я., Українська книга кінця XVI-XVII століть), к истории читателя (Каганов И.Я., Герои А.М. Горького - читатели), к истории личных библиотек (Каганов И.Я., Пешеходец Василий Григорович-Барский и книги), к искусству экслибриса (Каганов И.Я., Мастер книжного знака).

Нетрудно догадаться, что целью школы И.Я. Каганова было воспитание *книголюб*. Незаметно и ненавязчиво Исаак Яковлевич передавал нам все лучшее, что было в человеке старшего поколения. Библиофил, говорил он, легко узнается по тому, как он берет книгу в руки, рассматривает ее, листает страницы, оценивает качество издания. Для И.Я. Каганова идеалом человека был, безусловно, книголюб. Вполне естественно, что Исаака Яковлевича окружали главным образом книжники, у которых библиофильские интересы соединились с высокой культурой человеческого общения. Особую атмосферу теплого библиофильского окружения И.Я. Каганова отмечали и гости из других городов.

И.Я. Каганов пришел к нам из недр издательств и типографий, где печатная единица создается и выпускается в свет, обретая свою судьбу. Он учил нас ценить сам факт *рождения книги* и был активным пропагандистом и дарителем книг. Событием большого культурного и научного значения стало в его жизни пятитомное Собрание трудов академика

А.И. Белецкого. На I томе, вышедшем в 1965 году, Исаак Яковлевич написал: «Пусть вдохновит Вас жизненный пример старейшины советских литературоведов и книговедов Александра Ивановича Белецкого, незабвенного моего учителя. И. Коганов. Февраль 1966г.» Он дарил книги так, словно бросал зерна в будущее, пользуясь любым удобным случаем. Вот несколько фактов.

В 1964 году издательство «Просвещение» (Москва) выпустило превосходную книгу большого формата (составитель Е.Г. Эткинд) - «Писатели Франции» с цветными репродукциями, многочисленными иллюстрациями, в твердом переплете и красочной суперобложке. Не книга - мечта книголюб! Объем - 697 страниц, а цена смехотворная - 1 рубль 29 копеек! Исаак Яковлевич купил несколько экземпляров, которые немедленно были подарены друзьям, коллегам, сотрудникам.

В том же году издательство «Мистецтво» делает книголюбам исторический подарок - книгу «Український екслібрис», имевшую вступление на трех языках - украинском, русском и латинском. В ознаменование этого замечательного события И.Я. Каганов подарил книжную новинку многим людям с лучшими книговедческими и библиофильскими пожеланиями.

Были в жизни Каганова-книговеда и такие события, которые он без тени иронии называл «именинами сердца». В 1966 году увидели свет «100 книжных знаков М.З. Фрадкина» с предисловием Исаака Яковлевича. Это издание он щедро дарил многим ценителям экслибрисов.

В 1968 году в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР вышел перевод романа Альфреда де Виньи «Неволя и величие солдата». Книга была подарена мне с надписью: «На добрую память и пожеланием успехов - всяческих, а особенно библиофильских. Благодарный И. Каганов. Октябрь, 1968г.»

Но особенно я дорожу книгой небольшого формата «К.П. Брюлов» А.Н. Савинова, которую Исаак Яковлевич подарил мне в своем рабочем кабинете. Кто хотя бы раз побывал в этом царстве книги, уносил с собой незабываемые впечатления па всю жизнь.

Истинный рыцарь книги, И.Я. Каганов щедрой рукой сеял библиофильские знания. Во многом благодаря ему мы приобщились к работам О. Ласунского «Власть книги» и

«Книжный знак», С. Ивенского «Искусство экслибриса» и «Искусство книжного знака», Е. Лихтенштейна «Слово о книге» и другим.

Многое нам открыло дружеское общение с И.Я. Кагановым и его близкими. Мы узнали о том, что в трудные послевоенные годы Исаак Яковлевич пережил драму, последствия которой долго тяготели над ним. Он вынужден был выступать в печати под различными псевдонимами, из которых больше всего запомнился Яківчук. Соединились многие неблагоприятные обстоятельства, помешавшие ему подготовить и защитить докторскую диссертацию и получить ученое звание профессора, каким он и был фактически. Он стойко выдерживал удары судьбы и говорил: «Ну что ж, умру кандидатом!»

В своей семье Исаак Яковлевич был домашним горем, ибо, получив зарплату, немедленно посещал книжные магазины и покупал интересующие его издания. Расходы на приобретение новых книг были настолько опустошающими для семейного бюджета, что библиофилу крепко доставалось от его супруги. Однако эти «ссоры» не отражались на их взаимной привязанности. Пожалуй, их больше волновала проблема, как отнесутся соседи к тому, чтобы одну из этажерок с книгами вынести в общий коридор.

С годами сердце Исаака Яковлевича слабело, он часто болел. Иногда мне поручали его опекать, если он выходил за пределы квартиры. Например, И.Я. Каганов был приглашен на новоселье у Н.Я. Фридьевой, с которой его связывала многолетняя дружба и сотрудничество по кафедре библиотековедения. Отказаться принять участие в этом празднике своих коллег Исаак Яковлевич просто не мог. В душном помещении он держался мужественно, вдохновенно выступил и, конечно, произнес *Dum spiro, spero!* Но дальше я, по тайному соглашению с близкими, должен был проводить Исаака Яковлевича до подъезда его знаменитого Дома специалиста. Он бодрился и сделал несколько попыток избавиться от меня в роли охранника. Возможно, Исаак Яковлевич рассчитывал тайком заглянуть по пути в книжный магазин, а я ему мешал. Еле сдерживая смех, я решительно отказался оставить его без сопровождения: «Исаак Яковлевич, я дал слово!» Ему пришлось покориться. Мой учитель, разумеется,

не подозревал, какое это было счастье для меня идти с ним рядом...

В последние годы жизни И.Я. Каганов болезненно ощущал, что с уходом ровесников, людей его поколения, все вокруг словно опустело. Сказывались последствия злодейского истребления лучшей части интеллигенции. Он замечал, что на улице давно уже нет интеллигентных прохожих, благородных лиц и говорил мне об этом с горьким сожалением. Трагедия общества, лишенного культурной элиты, была для него очевидна.

Однажды, в дни еврейской Пасхи, И.Я. Каганов принес на кафедру библиотековедения мацу и угощал коллег. В дальнейшем это событие приобрело символическое значение: учитель раздавал близким людям духовный хлеб, и каждому из нас досталась его частица.

Со временем образ И.Я. Каганова приобрел в нашем сознании *идеальные черты*. На это имелись все основания. Исаак Яковлевич как небытовая личность всегда возвышался над повседневностью. Никто не видел его обедающим в столовой или небрежно одетым в домашней обстановке. Он всегда был мэтром, оставаясь на недостижимой высоте. И даже тогда, когда он признавался, что в эвакуации в Кзыл-Орде одной рукой варил манную кашу для ребенка, а другой писал диссертацию, - это принципиально ничего не меняло.

В XXI в. радикально изменилась жизнь. Исчезли книжные магазины, куда любил заходить И.Я. Каганов. Да и сама книга под прессом многочисленных ризографов стала другой.

Однако не меркнет значение старых книг, которые прошли через руки выдающегося библиофила Исаака Яковлевича. По словам Д. Чосера,

На старом поле каждый год
Родится новая пшеница;
Из старых книг, как срок придет,
Познание новое родится.

И.Я. Каганов оставил нам громадное наследие - книги, он оставил нам мудрость веков, спрессованную в латинские афоризмы, которые неотделимы от его духовных сокровищ:

Littera docet, litera nocet - Книга учит, книга мучит;

Omnia mea mecum porto! - Все мое ношу с собой!

Verbum sapienti sat est! - Мудрому достаточно одного слова!

Nihil est tam populare quam bonitas - Ничто так не привлекает, как доброта;

Per aspera ad astra! - Через тернии к звездам!

Quod erat probandum - Что и требовалось доказать;

Est modus in rebus - Во всем должна быть мера ("Сатиры" Горация)

Verba volant, scripta manent - Слова улетают, написанное остается.

И так ad infinitum...

Гений библиофильства, Исаак Яковлевич Каганов навсегда останется не в компьютерной, а в человеческой памяти и в этом венке воспоминаний.

М.Ф. Гетманец

УЧИТЕЛЬ

Исаак Яковлевич Каганов в трудные послевоенные годы читал на нашем курсе зарубежную литературу. Спокойный, сосредоточенный, высоколобый, он показался нам угрюмым и нелюдимым. Однако постепенно в процессе общения мы почувствовали излучаемую им теплоту и какую-то внутреннюю деликатность глубоко интеллигентного человека. Он прекрасно чувствовал, как тяжело нам живётся, поэтому не предъявлял непомерных требований, но своей увлечённостью предметом, доверительным тоном лекций, умением заечь глаза слушателей пробуждал у нас интерес к литературе и желание серьёзно трудиться. Лекции читал сидя, в форме непринуждённой беседы и так интересно, словно писатель был его личным другом, о котором он знает всё. Переплетая факты жизни с проблематикой творчества, он в двухчасовой лекции, - а часов, как правило, отводилось мало - воссоздавал живой и запоминающийся образ писателя. В будущем, работая преподавателем литературы, я часто вспоминал эти лекции, наследуя его манеру в жанре лекции-портрета.

Так же интересно проходили у нас и семинарские занятия. Он никогда не стремился подловить студента, упрекнуть за незнание текста, но каждое занятие было им чётко прорежиссировано:

обсуждается острая философская, нравственная или эстетическая проблема, которая никого не оставляет равнодушным. Основу для обсуждения составляли устные рефераты студентов, которые предварительно готовились под его руководством.

Выступал с рефератами и я. А однажды Исаак Яковлевич во время перерыва подошёл ко мне и сказал, что хочет поручить мне доклад на студенческую научную конференцию. «Приходите ко мне завтра до лекций и обговорим. Я живу в доме специалистов, 25-ый подъезд, квартира (кажется) 246». Не без робости поднимался я на 5-й этаж, но встретил он меня так запросто и даже радушно, что я вскоре преодолел свою неловкость. Сидели мы в небольшой комнате, которая была его кабинетом. Обстановки не помню, потому что всё моё внимание было направлено на полки с книгами, занимающими стену за креслом хозяина. «Вот она наука, - подумал я, - как далеко мне до неё. Ведь за четыре года войны я не прочитал ни одной книги». А Исаак Яковлевич, словно угадав мои мысли, говорит: «Наука - это труд. У Вас получится».

Заговорили мы об американской литературе. Читал я в детстве Майн Рида, Фенимора Купера, Марка Твена. Ему хотелось, чтобы я занялся изучением Джека Лондона, в частности его романа «Мартин Иден», которого я не читал. «Ничего, все мы так начинали», - сказал он. Достал с полки роман, назвал несколько книг, которые я должен прочитать, и назначил время встречи. Так началось наше творческое сотрудничество. Однако продолжалось оно недолго.

В стране развернулась позорная кампания борьбы с «космополитами», которая имела ярко выраженный антисемитский характер. Докатилась она и до нашего факультета. Под подозрение был взят Исаак Яковлевич, который часто выступал в местной прессе со статьями на литературные темы. Для расследования его деятельности партийное бюро создало комиссию, в которую вошли заведующий кафедрой зарубежной литературы доцент Розенберг А.Г. (председатель), заведующий кафедрой русской литературы доцент Легавка М.П. и два студента-фронтовика - Герой Советского Союза Дмитрий Ушаков и я. На первом заседании комиссии была поставлена задача выяснить, не проявились ли антипатриотические взгляды Каганова в лекциях и литературных работах. Что касается

лекций, то партбюро, очевидно, рассчитывало на нас, студентов, однако мы с Димой очень уважали Исаака Яковлевича как прекрасного педагога, талантливого учёного и доброго человека, поэтому категорически заявили, что никаких вредных политических идей в его лекциях не было. Относительно его литературной деятельности председатель поступил так: раздал вырезки статей из газет - их было более пятидесяти - членам комиссии для анализа. Я читал небольшие, преимущественно юбилейные статьи, рецензии на новые книги, отклики на спектакли харьковских театров и удивлялся эрудиции автора, чёткости оценок, простоте и яркости языка. Честно скажу, что впервые из его статей я узнал о существовании некоторых писателей (и решил непременно познакомиться с их творчеством), а главное - видел в них прекрасные образцы для своей будущей профессиональной деятельности в качестве литературоведа. Мне показалось, что и наши старшие коллеги не нашли в них никаких идеологических погрешностей. Однако их надо было найти, что помог сделать секретарь партбюро, заведующий кафедрой украинского языка Медведев Ф.П.

- А яких статей більше, про російських чи про західних письменників?-спросил он.

Подсчитали и оказалось, что о западных писателях больше.

- От бачите, - сказал секретарь, - це схиляння перед Заходом.

Председателю комиссии Розенбергу А.Г. очень трудно было сформулировать по сути приговор своему коллеге. Фразу «схиляння перед Заходом» он не мог обойти и она оказалась роковой: Исаака Яковлевича уволили из университета.

Нам с Димой, вчерашним фронтовикам, было стыдно и больно и за дикую кампанию, которая проводится по воле высшей власти, и за свой страх помешать ей, и за предательство своего учителя. Такое было время, такими были мы.

Кстати, я заметил, что во всех подобных политических кампаниях жертвами становились творческие люди - те, кто активно работал, публиковался, имел свою научную позицию. На коне были либо очень осторожные, либо бездарные - не к чему было придраться.

Нетрудно представить, что переживал в это время Исаак Яковлевич. Но без работы он не остался. Преподавателей такой

квалификации в Харькове было немного, и он вскоре был приглашён на кафедру литературы в институт культуры.

Дальнейшая его жизнь ещё ярче высветлила в нём прекрасное качество настоящего патриота и интеллигента. Очевидно, следуя мудрому совету великого поэта «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца», он не ожесточился, не затаил обиду на людей, а продолжал дело, которое было целью и смыслом его жизни. Он до последних дней жизни совершенно безвозмездно возглавлял Харьковское общество любителей книги, выполнял миссию просветителя народа, сеятеля доброго, разумного, вечного.

Светлая ему память!

Е.М. Ткаченко

А.М.ФИНКЕЛЬ - УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Вся творческая жизнь Александра Моисеевича Финкеля была связана с Харьковом. Здесь в 1920 г. он стал студентом филологического факультета университета (он тогда назывался институтом народного образования), здесь же в 1928 г. закончил аспирантуру. Потом более 40 лет (за исключением военных, когда он служил в армии) преподавал в различных харьковских вузах. Последние 20 лет профессор А.М. Финкель работал на филологическом факультете Харьковского университета.

Как-то Александр Моисеевич шутя сказал, что он считает себя внуком Потебни. И объяснил: он учился у Ветухова, а Ветухов был учеником Потебни. Правда этой шутки, как мне кажется, в том, что А.М. Финкель, как и А.А. Потебня, был филологом, а не только лингвистом. О чем и свидетельствует вся его творческая жизнь.

Александр Моисеевич был человеком разносторонних Дарований.

И широта и разносторонность его научных интересов Удивительна... Одно только их перечисление впечатляет. Ему принадлежит более 150 опубликованных научных работ, но далеко не все было опубликовано.

О многих направлениях научной деятельности профессора можно сказать - «он был одним из первых»: А.М. Финкель разработал ряд общих и специальных вопросов грамматики, лексикологии и фразеологии русского и украинского языков. Докторская диссертация Александра Моисеевича, посвященная исследованию причинных предлогов в русском языке, является серьезным вкладом в науку. Только статьи о производных предлогах могут составить целую книгу.

Неизменным был интерес ученого и к проблемам стилистики и индивидуального стиля писателя. Его стилистическая концепция нашла отражение и в одной из ранних работ («Короткий вступ до теоретичної стилістики»), и в статье 1961 года «Стилистическое использование служебных слов», и в анализе стихотворений Э. Багрицкого и А. Блока, что было содержанием серьезных исследований, которыми Александр Моисеевич занимался в последние годы.

Именно А.М. Финкель стоял у истоков советской теории перевода, напечатав в 1922 году статью «О художественном переводе», в 1929 - книгу «**Теорія і практика перекладу**», в 1939 - статью «О некоторых вопросах теории перевода». А кандидатская диссертация А.М. Финкеля называлась «Квитка-Основьяненко - переводчик собственных произведений». В 60-е годы ученый работает над обобщающим трудом об объективных критериях точности перевода. Кроме того, он писал о переводах на русский язык Т. Шевченко, Д. Байрона, об И. Франко как переводчике Н. Некрасова.

Но А.М. Финкель был не только теоретиком, но и переводчиком-практиком. Он перевел все (!) сонеты Шекспира, переводил Байрона, Верлена, Превера, Бехера и других поэтов.

Проблемы общего языкознания интересовали проф. А.М. Финкеля и в научном аспекте и в педагогическом, поскольку он много лет читал этот курс студентам. Исследованию общих вопросов теории и истории языкознания посвящены многие его работы: «Синоптична таблиця «Походження мови» (1940г.), «О содержании и методике практических занятий по «Введению в языкознание» (1953г.), «О построении курса «История языкознания» (1954г.) и др. В связи с выходом в 1950г. работы И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Александру Моисеевичу пришлось (по не

полностью подтвержденным данным) уничтожить уже готовую докторскую диссертацию, выполненную в свете идей акад. Н.Я.Марра, которого резко критиковал И.В. Сталин. Не обошлось у Александра Моисеевича в то время и без проблем с партийной организацией.

Следует сказать, что большую часть лингвистического наследия А.М. Финкеля составляют учебники по русскому языку и статьи методического характера. Для нескольких поколений филологов основным учебником по русскому языку был учебник А.М. Финкеля, написанный им в соавторстве с Н.М. Баженовым, - «Курс современного русского литературного языка», который представляет собой серьезный научный труд, во многих частях дающий оригинальное освещение лексического состава и грамматической системы русского языка.

В 30-50-е гг. А.М. Финкель подготовил ряд учебных пособий по русскому языку для начальной и средней школы. Я училась по его учебнику. И теперь, сама занимаясь учебными пособиями для школы, понимаю, как хорошо он сделан. Его школьный учебник русского языка для школ с украинским языком преподавания, написанный совместно с Н.М. Баженовым, выдержал 18 изданий.

И еще об одной стороне творческой деятельности А.М. Финкеля следует сказать - о том, что он был одним из основоположников советской пародии как один из авторов уже легендарного «Парнаса дыбом».

Вся эта напряженная научная и творческая деятельность А.М. Финкеля сопровождалась не менее интенсивной преподавательской работой: он читал лекции по нескольким курсам и спецкурсам, вел спецсеминары и практические занятия, руководил педпрактикой студентов, под его руководством писались курсовые и дипломные работы, диссертации.

Лекции его мы слушали с огромным интересом и вниманием: стоя за кафедрой, он размышлял вслух, а нам предоставлял следить за его мыслью.

Александр Моисеевич был талантливым учителем. Он обладал двумя необходимыми для хорошего учителя качествами: был незаурядной, яркой личностью и любил свое дело. Поэтому его нравственное влияние на нас, студентов, было огромно, его авторитет - непререкаем. У него мы учились работать, любить свою науку, свою профессию.

Учителем Александр Моисеевич был строгим и требовательным. Но без этого нельзя серьезно заниматься делом, и мы это понимали. Его строгость и требовательность не вызывали раздражения, а только желание соответствовать.

Александр Моисеевич был щедрым учителем: он не жалел для нас ни сил, ни времени, он, что называется, возился со своими дипломниками и практикантами: мы приносили ему свои писания, он делал замечания, мы исправляли, и он читал еще - мы опять исправляли. И так несколько раз.

У него была своя методика: он никогда не давал нам готовых решений, не говорил, что следует написать вот так и вот об этом. Помню, я приходила на консультацию по дипломной работе, и мы просто разговаривали. Дипломную работу нужно было защищать в июне, но в апреле у меня не было еще ни одной написанной строчки. Александр Моисеевич не торопил меня, давая время до всего додуматься самой. Не давая готовых решений, наш учитель делал больше: учил думать и сомневаться. И работать.

И уроки Александра Моисеевича Финкеля остались с каждым из нас, его учеников, на всю жизнь.

Л.Г. Фризман

МНОГОЛИКИЙ ПРОФЕССОР О трудах и днях А.М. Финкеля

Говорят, что однажды в руки английской королевы попала книга Льюиса Керролла «Алиса в стране чудес». Королева пришла от нее в восторг и приказала принести ей все сочинения этого автора. Каково же было ее изумление, когда ей доставили кучу книг, посвященных проблемам высшей математики. Оказалось, что очаровавший ее автор был оксфордским профессором, а сама книга сложилась во время его прогулок с тремя маленькими девочками.

То же могло случиться и с нами после знакомства со сборником «Парнас дыбом», с которого ведет свое начало история советской литературной пародии. Более половины пародий, включенных в сборник, принадлежит Александру

Моисеевичу Финкелю, профессору Харьковского университета. И пожелай мы познакомиться с его наследием, нам бы принесли монографию «Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке», вузовский учебник «Современный русский литературный язык», выдержавший 19 изданий школьный «Учебник русского языка», «Граматику русского языка» для школ слепых и еще свыше полутора ста книг и статей по вопросам общего языкознания, лексикологии, фразеологии, стилистики и других лингвистических дисциплин.

Соавтором А.М. Финкеля по «Парнасу дыбом» был другой сотрудник ХГУ, долгое время заведовавший в нем кафедрой зарубежной литературы, - А.Г. Розенберг. Хотя главной сферой его научных интересов была французская литература (он писал о Дю Белле и Малербе, Шаплене и Корнеле, Буало и Стендале, Бальзаке и Гюго), ему принадлежит много работ и по другим вопросам, среди которых и легенда о граде Китеже как тема русской литературы, и синтаксис былевого эпоса, и украинская народная песня, и ритмика стихов Шевченко, и учение Потемби. Его докторская диссертация «Доктрина французского классицизма» осталась незащищенной. Но здесь нет возможности вдаваться в детали этой драматической истории: наш нынешний рассказ - об А.М. Финкеле.

Он родился в 1899 году и любил шутливо говорить: «Мы - люди XIX века...». В 1924 году окончил институт, затем учился в аспирантуре, а с 1928 года началась его сорокалетняя педагогическая деятельность, почти полностью связанная с Харьковским университетом. Здесь он работал доцентом, позднее заведовал кафедрой. В годы Отечественной войны служил в инженерном батальоне, а после демобилизации - снова работа в вузе, сначала в педагогическом институте иностранных языков, а потом до конца жизни - в университете. К слову сказать, и сам институт иностранных языков скоро влился в университет.

Его учебник современного русского языка с добрым юмором называли «Финкеля грамота», но это была превосходная книга, неоднократно переиздававшаяся и у нас, и за рубежом, не Утратившая своей ценности по сей день. **Я** был тогда студентом филологического факультета. Порыскав по учебнику, усмотрел в Нем какие-то шероховатости, разноречивой в формулировках, неудачные примеры и, напросившись в гости к Мэтру,

представил ему перечень своих замечаний. Тот все тщательно записал и отозвался примерно так: невнимательно, дескать, читали, можно было бы и побольше недостатков найти.

Его строго организованный научный ум не воспринимал таких выражений, как «дух произведения», «дух образа». Об авторе какой-то работы, которая пестрела ими, пренебрежительно сказал: «Неинтересно. Все о духах да о духах». Запомнился мне такой эпизод. В середине 60-х гг. я задумал статью «Образ в языке «Манифеста Коммунистической партии» и, поскольку в ней присутствовал лингвистический анализ, поделился этими планами с Александром Моисеевичем. Он отнесся к ним резко отрицательно и предрек, что ничего путного у меня не получится. Когда статья была напечатана в «Известиях Академии наук», меня не было в Харькове, но он, прочтя ее и не дожидаясь моего возвращения, позвонил моей маме и сказал, что он ошибался и что знакомство с работой побудило его изменить свое прежнее мнение. Если учесть, кем был тогда он, а кем я и какая дистанция нас разделяла, нельзя не признать, что такой поступок дорогого стоит.

Но вернемся к «Парнасу дыбом». То, что будущий ученый-филолог на заре своего творческого пути отдался написанию этих шуточных стихотворений, - факт не только объяснимый, но и полный глубокого смысла. По постановке идея изучения примет индивидуального стиля писателей разных стран и эпох была вполне серьезной, но по форме изложения результатов такого изучения весьма озорной - моделировать, как разработали бы один и тот же сюжет Гай Юлий Цезарь и Анатолий Франс, Шекспир и Волошин, Симеон Полоцкий и Вертинский, Крылов и Надсон, Гомер и Некрасов, Данте и Демьян Бедный.

Позднее А.М. Финкель так характеризовал побуждения, руководившие создателями «Парнаса дыбом»: «...Мы не были и не хотели быть пародистами, мы были стилизаторами, да еще с установкой познавательной. То же, что все это смешно и забавно, - это, так сказать, побочный эффект (так нам, по крайней мере, казалось). Однако эффект оказался важнее нашей серьезности и для издателей и читателей совершенно ее вытеснил».

Потешные разработки популярных сюжетов «У попа была собака», «Жил-был у бабушки серенький козлик» и «Пошел купаться Веверлей» завоевали невероятную популярность.

Первые «Парнас дыбом» вышел в харьковском издательстве «Космос» в 1925 году, а на протяжении последующих двух лет переиздавался еще трижды. Известно, что Маяковский, будучи в Харькове, услышал о выходе сборника, где были пародии и на него, и, прочитав его, сказал: «Молодцы харьковчане! Такую книжицу не стыдно и в Москву с собой прихватить!»

Современные пародисты обычно норовят предпослать своим произведениям своеобразные «эпиграфы» - несколько строк пародируемого автора. Чтобы читатель заранее знал, что подлежит пародийному утрированию, над чем ему предстоит посмеяться. Применительно к «Парнасу» такая попытка была бы обречена на полную неудачу. Его авторы не обыгрывали какое-то выражение, а улавливали и воплощали то, что определяло индивидуальность стиля. Они изучали то, что было предметом их внимания, широко и непредвзято, не выискивали слабые и уязвимые места, а проникали в сам авторский облик, в его реализацию в слове, в строении сюжета, в поэтической интонации. Результаты своих исследований «парнасцы» воплотили в произведениях, которые удачно и точно назвали «научным весельем».

Дальнейшая судьба книги оказалась нелегкой. На шестьдесят с лишним лет она попала в немилость советских цензоров. То ли неблагонадежными выглядели иные из пародируемых авторов, такие как Гумилев, Волошин, Цветаева, Ремизов, то ли вызывали отторжение еврейские фамилии пародистов, то ли и то и другое. Как бы то ни было, переиздать «Парнас» мне удалось лишь в 1989 году. Сборник был существенно дополнен произведениями, сохранившимися в архиве уже покойного к тому времени А.М. Финкеля. Если в первом издании было 37 пародий, то ныне их стало 69. Стоит ли говорить, что почти полумиллионный тираж мгновенно исчез с книжных прилавков...

Другим направлением научной и творческой деятельности А.М. Финкеля, прошедшим сквозь всю его жизнь, была теория и практика художественного перевода. Первую статью на эту тему он опубликовал еще студентом, в 1922 году. За ней последовали еще два десятка работ, среди которых была книга «Теория и практика перевода». Выпущенная в 1929 году, она по сей день не утратила своей ценности. Множество оригинальных мыслей и ярких примеров, собранных в ней, представляют интерес и для

современных переводчиков. Автор стремился, по его собственному признанию, «не столько устанавливать нормы и правила, сколько осознать проблему и поставить ее в рамки возможного и желательного».

Кандидатскую диссертацию он защитил на тему «Квитка-Основьяненко - переводчик собственных произведений». Его интересовали как русские переводы украинских писателей, так и русская поэзия в украинских переводах. Были написаны статьи об Иване Франко как переводчике Некрасова, о русских переводах «Заповіта» Шевченко. В последние годы жизни А.М. Финкель работал над новой книгой, в которой стремился разработать и обосновать объективные критерии, на основе которых следует определять качество художественного перевода.

Этот вопрос, писал он в одной из последних, не опубликованных при жизни статей, «до сих пор нельзя считать решенным. Его решению мешают, по крайней мере, два обстоятельства. Первое - это использование таких невыразительных и субъективных понятий, как «дух произведения», «торжество духа над буквой» и т. п., при этом обычно упускается из виду, что дух этот не бесплотен, а находит свое воплощение в проявлениях конкретных и охватываемых разумом: в лексике, в семантике, в синтаксисе и т. д. Поэтому сводить оценку переводов к эмоционально насыщенным словам, не конкретизируя их в фактах лингвистических и литературных, значит наперед закрыть себе путь к познанию и обречь себя на голый субъективизм. Другое, не менее негативное обстоятельство - это подмена оценки перевода как пересоздания чужого произведения оценкой его как чего-то самостоятельного, якобы независимого от оригинала. Между тем это далеко не одно и то же. Оценивать перевод и сравнивать разные переводы без наложения на оригинал совершенно непропорционально».

Стремясь избежать этих ошибок и установить объективные критерии оценки перевода, ученый скрупулезно сопоставлял работу многих переводчиков разных эпох. Он опубликовал статьи «66 сонет Шекспира в русских переводах», «Лермонтов и другие переводчики «Еврейской мелодии» Байрона», подготовил к печати работу о русских переводах «Ночной песни странника» Гёте.

Он не только анализировал переводы, он переводил сам, применял разработанные им теоретические принципы к творческой практике. Переводил Байрона, Бехера, Верлена, Превера. Но самым значительным его поэтическим свершением был полный перевод на русский язык всех 154 сонетов Шекспира - четвертый в многолетней истории русской шекспиристики. Однако публикация этих переводов столкнулась со значительными трудностями: никто не решался посягнуть на монополию Маршака.

К 1968 году, когда Александра Моисеевича не стало, ни одно стихотворение не вышло в свет. Лишь спустя почти десять лет, благодаря поддержке выдающегося советского шекспиролога А.А. Аникста, мне удалось добиться того, что переводы всех сонетов появились сначала в сборнике «Шекспировские чтения», а затем прочно приобрели права гражданства и переиздавались не раз - и полностью, и частично.

В сопроводившей первую публикацию сонетов заметке А.А. Аникст писал: «...При всей огромной талантливости С. Маршака его переводы не передают в полной мере своеобразия лирики Шекспира. Индивидуальность переводчика всегда накладывает печать на его труд. Публикуемые здесь переводы... читаются, пожалуй, не так легко, как переводы Маршака, но это не следствие неумения, а неизбежный результат стремления А. Финкеля как можно полнее передать всю многосложность шекспировской лирики. Поэтическая форма в предлагаемых здесь переводах, сложные образные построения приближаются к художественному своеобразию подлинника. Знакомство с печатаемыми здесь переводами читателю, которому недоступен подлинник, помогает узнать какие-то новые грани лирики Шекспира».

Таким он был, этот многоликий профессор - лингвист, оставивший заметный след во многих областях своей науки, педагог, взрастивший не одно поколение студентов и аспирантов Харьковского университета, переводчик и поэт. При всей разносторонности его творческих устремлений и талантов главным делом его жизни была наука, неизменно определявшая и другие направления его деятельности. Как в Лире каждый вершок был король, так в Финкеле каждый вершок был ученый. И смешные стихи из «Парнаса дыбом», и переводы шекспировских

сонетов были реализацией в поэзии того, что возникло, утвердилось и прошло проверку в его научной лаборатории. В этом особая ценность его стихов, в этом своеобразии их места в нашем культурном наследии.

Не могу завершить этот краткий очерк, не сказав хотя бы несколько слов о жене Александра Моисеевича Анне Павловне Финкель. Пока он был жив, я общался с ней мельком и в сущности совсем ее не знал, она была для меня его женой и только. Все богатство ее замечательной личности открылось мне, только когда его не стало.

Решив продать часть книг из его библиотеки, она пригласила меня, подвела к книжным полкам и предложила взять себе то, что я для себя выберу. Она отдала в мое полное распоряжение его творческий архив: рукописи сонетов с собственноручной правкой переводчика, стихи, которые Александр Моисеевич продолжал писать для «Парнаса дыбом». Без ее помощи я, конечно, не смог бы издать ни сонеты, ни дополненное издание знаменитого сборника. Я был и остаюсь бесконечно ей признателен за честь, которую она оказала мне, передоверив мне роль как бы душеприказчика ее покойного мужа. Она же, напротив, постоянно благодарила и чуть ли не боготворила меня за усилия по публикации его наследия. Не могу забыть, какими ласковыми глазами она на меня смотрела.

У меня много оттисков, подаренных Александром Моисеевичем, но только один я получил от Анны Павловны. Это был выпуск «Вестника Харьковского университета» с некрологом Финкеля и списком его основных лингвистических трудов. Анна Павловна сделала на нем такую надпись: «Дорогому Лёсику в знак глубокого сердечного расположения. А.Ф. 19.1.70».

В моей жизни была только одна вдова, с которой у меня после смерти ее мужа установились такие длительные и сердечные отношения. Это Мария Илларионовна Твардовская.

Параллельно со мной и также в тесном сотрудничестве с Анной Павловной изданием работ Александра Моисеевича занимался известный московский лингвист, одно время научный редактор газеты «Русский язык» и мой добрый знакомый Сергей Иосифович Гиндин. Как и я, формально он не был учеником А.М. Финкеля, но считал его своим учителем. Мы с ним

определенно и, я думаю, удачно разделили обязанности: он сосредоточил усилия на публикации научных работ и напечатал какое-то количество статей нашего покойного наставника, я же занимался только «Парнасом» и переводами.

Осталось у меня в памяти и то, какой заботливой, я бы сказал, влюбленной матерью была Анна Павловна. Виталий Александрович Финкель, которого и она, и я называли Виталиком, регулярно приходил к ней в перерыв, и она кормила его обедами. Как напряженно она его ждала, как радовалась каждый раз, услышав его звонок в дверь!

Анна Павловна пережила мужа более чем на два десятка лет. Конечно, она слабела с годами, у нее дрожали руки и губы, но она сохраняла безупречную ясность ума, и память ей не изменяла. Единственное слово, которым я могу передать чувство, которое я испытывал и испытываю к этой женщине, - благоговение.

Л.Г. Фризман

Сегодня именины Львицы,
И в час, известный наперед,
В такси, трамваях, лифтах мчится
Ко Львице весь звериный род.

Приветливо махая лапой,
Заходит Мишка косолапый.
Уж если появился Мишка,
То значит, речь пойдет о книжках.
Ведь шлют ему свои издания
Из всех концов СССР,
Альбом карикатур из Дании,
Китайских мастеров создания
И фолиант из ГДР.
Ну, в этом - знает целый свет -
Сильнее Мишки зверя нет.

Съезжаться продолжают звери,
Шум, разговоры тут и там.

Распахивайте шире двери:
Идет толстяк Гиппопотам.
И поздравленья и привет
Он Львице преподносит тоже.
Все знают: между складок кожи
Лежит шекспировский сонет.
Прочтен он будет за столом
И тут же обсужден потом.
Но плоских критиков остроты
Волнуют мало Бегемота.
Он резать сходу их привык:
Его профессия - язык.

А Кошка в скромном уголочке
Сидит и точит коготочки.
Но помни, каждый умный зверь:
Ты этой скромности не верь!
На вид скромна, а вся на страже.
Благоволит к ней Львица, даже
У ней, как говорят, есть друг
И в Академии наук.

Козел, задержанный женой,
Ходил по комнате неистов:
«Так вечно, Добочка, с тобой!»
Но вот и он со всей семьей
Приехал в Дом специалистов.
Пригладив клок волос последний,
Он пробегает по передней.
Ведь толстякам иным в упрек
Он стройность юную сберег!
А следом мать идет со мной
И с недорезанной женой

Почти все гости собрались.
Последним входит хитрый Лис.
Не виноват он в опозданьи:
Ведь отвлекли его внимание
Дипломники и тот доклад,

Которому он сам не рад,
И та статья, что он отдать
Сегодня должен был в печать,
И разложившаяся грубо
Академическая группа,
Где агитатором он был
И где растрачивал свой пыл.
И он болел, и он устал,
И он кого-то не застал,
И шесть часов читал подряд
Всего лишь пять минут назад.

Вот сонм гостей за стол садится,
Чтоб пить за Львицу, Львицу, Львицу!
И курит Лис близ этой дамы
Уж не «Казбек», а фимиамы.
Тут Мишка действует проворно,
В руках Козла сверкает сталь
И все, как учит Саша Черный,
Усердно льют вино в хрусталь.
И Кошка лапкою умелой
Уж тянется к бутылке белой
И каждый зверь, подымля хвост,
Кричит: «ЗА ЛЬВИЦУ ПЕРВЫЙ ТОСТ!»

Примечание автора. Много раз в своей жизни я комментировал чужие тексты, но на этот раз доводится комментировать свой. То, что было всем понятно 53 года тому назад, когда он был написан и все персонажи были легко узнаваемы, сегодня нуждается в пояснениях. Львица - Маргарита Орестовна Габель, Мишка - Исаак Яковлевич Каганов, Бегемот - Александр Моисеевич Финкель, Кошка - Ирина Васильевна Знаменская, ее Друг-академик - А. И. Белецкий, Лис - Марк Владимирович Черняков. Козел - Генрих Венецианович Фризман. Недорезанная жена - не то, что вы подумали, а упоминание о том, что моя жена перенесла операцию, обстоятельства которой были известны и обсуждались в нашем дружеском кругу.

СОДЕРЖАНИЕ

А. З. Житницкий. Счастливое совпадение.....	4
Г. А. Васильева. О друге и учителе.....	9
Н. А. Никипелова. «...У памяти в гостях...».....	17
Т. С. Раскина. М.О. Габель.....	22
И. Гофф. Подруги матери моей.....	32
Н. Колосова. О любимом учителе.....	39
И. В. Зборовец. Библиофил навсегда.....	44
М. Ф. Гетманец. Учитель.....	50
Е. М. Ткаченко. А.М. Финкель - ученый и педагог.....	53
Л. Г. Фризман. Многоликий профессор.....	56
Л. Г. Фризман. «Сегодня именины львицы...».....	63

Подписано в печать 10.01.2011г. Формат издания 60х90/16.

Гарнитура Тайме. Бумага офсетная. Печать - ризография.

Ус.-печ. листов. 4,2 Тираж 200 экз. Зак. № 028767

Напечатано у СПДФЛ Израйлев Е.М.

Свидетельство № 24800170000040432 от 21.03.2001р.

61002, г. Харьков, ул. Фрунзе, 16